

Сага о Форбиденах

Лунный ветер

Когда завтра настанет вновь

Евгения Сафонова

ЛУННЫЙ
ВЕТЕР

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С21

Иллюстрации на переплёте и в тексте
Екатерины Максименко

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Сафонова, Евгения Сергеевна.

С21 Лунный ветер / Евгения Сафонова. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с.: ил.

ISBN 978-5-04-160562-9

Это история о туманном Альбионе, каким он мог бы быть: где феи живут рядом с людьми, вампиры рыщут по ночным улицам в поисках жертв, а Инквизиция охотится на колдунов-отступников.

Это история о времени, когда женщины лишь начинают обретать право голоса, а судьбу страны вершит молодая королева Виктория. Это история о девушке, которая любила страшные сказки и мечтала стать героиней одной из них. Когда поместье по соседству покупает таинственный незнакомец, а следом в округе объявляется оборотень и начинается череда загадочных смертей, она решает разобраться, кто всему виной.

Но что делать, если тот, в ком ты подозреваешь монстра, — единственный, с кем ты хотела бы связать свою жизнь?

...А ещё это история о выборе. О судьбе. И о той цене, которую порой нам приходится платить за счастье.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160562-9

© Сафонова Е.С., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

С глубочайшим уважением к Шарлотте Бронте
и Джейн Остин, светлой памяти Дэвида Боуи.

Спасибо Кире Фроловой, Юле Яковлевой,
Ане Петелиной, Вячеславу Бакулину и всем,
кто любит «Ветер» и другие мои истории.
Этой книги не было бы без вас.

*...От мысленного волка звероуловлен
буду...*

Иоанн Златоуст

Глава первая,

в которой мы знакомимся с корсаром

— Сегодня к нам на ужин пожалует мистер Фёрбиден, — как бы невзначай бросил отец, когда подали десерт. — Я счёл, что настала пора наконец познакомиться с новым соседом.

Матушка холодно изогнула бровь:

— Фрэнк, кажется, я уже высказывала тебе своё мнение на этот счёт.

— Дорогая, мы будем ничем не лучше его, если начнём пренебрегать правилами приличия.

— Нувориш в Хепберн-парке! Бедная леди Энн! Продать имение этому... этому...

— Матушка, это правда, что мистер Фёрбиден — корсар? — подала голос Бланш, прежде чем с бесконечным изяществом отправить в рот кусочек пудинга.

— Он контрабандист, душечка. Не путай. Контрабандисты, в отличие от корсаров, грабят честных людей на суше.

— Нэнси говорила, он привёз в Хепберн-парк сотню сундуков, полных золота и драгоценностей!

— Вполне возможно, что она недалеко от истины, — заметил отец.

— Не забивай голову сказаниями Нэнси, душечка. Она что только не говорит. А даже если так, это не

изменит моего отношения к нему. Боги, мне страшно подумать, что такой человек осквернит наш дом своим присутствием!

— Ничего, — проворчал отец, — думаю, грядущий день и прибытие твоего дражайшего лорда Чейнза его очистят.

Матушка кинула на него испепеляющий взгляд — и папа, вздохнув, поправил салфетку на коленях, прежде чем покоситься на меня.

— Ребекка, — произнёс он ласково и немного встревоженно, — ты ни кусочка не съела.

— Я не голодна.

— Она нервничает, папенька, — прощепетала Бланш. — Ребекка, почему ты так нервничаешь? Джон тоже приезжает завтра, но это ведь не мешает мне спать по ночам!

— Бессонница? — Глаза отца сделались ещё более встревоженными. — Ребекка, что тебя беспокоит?

Я пожала плечами.

— Эти твои страшные сказки, — решил отец. — Сколько я тебе говорил: поменьше читай на ночь!

— Жизнь — самая страшная сказка из всех возможных.

— Что за глупости!

Я стиснула сложенные на коленях ладони в кулаки.

Идти до конца? Впрочем, какая уже разница.

— В сказках героини обычно живут долго и счастливо, — тихо проговорила я. — После свадьбы... по любви.

Тишина, повисшая в столовой, с тихим перезвоном всколыхнула хрустальные подвески люстры.

— Ребекка, — ровно произнесла матушка, — мне казалось, мы пришли к согласию по этому вопросу.

— Да. Согласие выбивали из меня долго и слёзно.

— Ребекка, Том — блестящая партия. Мы и мечтать не могли...

— Матушка, почему я должна расплачиваться за ваше тщеславие? — Сила собственного голоса поразила даже меня, но отступить было поздно. — Мы не бедствуем, и Бланш в надёжных руках. Разве титул стоит моей порушенной жизни?

Матушка аккуратно положила вилку и нож: с разных сторон тарелки, идеально симметрично.

— Я надеялась, мне не придётся этого говорить, но раз ты вынуждаешь... — Взгляд цвета озёрного льда устремился на моё лицо. — Ребекка, меня всегда приводили в отчаяние мысли, что мою старшую дочь боги жестоко обделили своими милостями. Внешность? Весьма на любителя, если быть откровенной. Вышивание или рисование? Помилуйте, эти руки только с виду тонки: это руки свинопаса, не благородной леди. Музицирование? Ни голоса, ни слуха. Танцы? При бесспорной грации движений — никакого желания. Добрый нрав? Упрямство норовистой кобылы — при столь остром уме, что впору порезаться. Да, ты говоришь на двух языках, не считая родного, и все вечера просиживаешь за книгами, но кому это нужно? А в довершение всего — никакого стремления исправлять свои недостатки.

— Маргарет...

— Фрэнк, дай мне высказаться. Да, Ребекка, все эти годы меня утешала лишь мысль, что всё недоданное тебе досталось Бланш. — Сестра на этих словах покраснела, как всегда, удивительно мило. — Однако это не отменяло горечи осознания, что моя старшая дочь, скорее всего, останется доживать свой век старой девой. И тут — не просто шанс, а...

— Бланш оправдала ваши надежды. Я счастлива, что моя сестра обретёт достойного, любящего и любимого

го супруга. — Только бы голос не дрогнул. — Но я так и не услышала ответа на свой вопрос.

— Это и был ответ. — Женщина, родившая меня на свет, надменно вскинула подбородок. — Боги подарили нам сказочный шанс, которого тебе больше не представится. И я не допущу, чтобы ты отвергла предложение Тома, до конца своих дней повиснув на нашей шее мёртвым грузом, вызывая насмешки над собой... и надо мной.

— Маргарет!

Грозный окрик отца я расслышала словно сквозь подушку: буря эмоций, поднявшаяся в душе, странным образом помутила мой слух.

— Ваша точка зрения мне ясна. — Я встала, опершись ладонью на стол. Почему она дрожит? От гнева? И неужели этот тонкий голосок принадлежит мне? — Благодарю, миссис Лочестер.

— Ребекка...

Но я уже выскочила из столовой, не желая слушать, и крики матери и отца летели в спину, пока я бежала к парадной двери: до неё было ближе.

Нет, не остановлюсь. Не дождутся.

По высоким каменным ступеням спустившись с террасы особняка, мимо яблоневого аллея, сыпавшей снег лепестков на садовые дорожки, я устремила на задний двор. Пробежав мимо крольчатника, вошла в конюшню. Ветер, переминавшийся в деннике, встретил меня тихим радостным ржанием. Погладив коня по мягкой морде, я обратилась к подоспевшему конюху:

— Оседлай его, Элиот.

Старик изумлённо оглядел меня с головы до пят.

— Но, мисс...

— Элиот, скорее. — Не объяснять же, что переодеться в амазонку времени нет. — Прощу.

Старик покряхтел, но покорно полез за седлом.

Когда мы с Ветром рысью выехали с заднего двора, матушка стояла на крыльце, высматривая меня в саду. Увидев вздорную дочь, она подобрала было юбку, дёрнулась вперёд, но, вспомнив о чувстве собственного достоинства, застыла на месте, скрестив руки на груди.

— Ребекка Лочестер, — отчеканила она, — я приказываю тебе...

— Я вам не служанка, матушка, — бросила я, прежде чем сорвать коня в галоп.

Лицо матери, искажившееся от изумления, на миг выделилось из круговерти размывшихся окрестностей. Потом его сменила яблоневая аллея, а её — гладь пруда; и когда копыта Ветра прозвенели по каменному коромыслу моста через реку, садовая зелень уступила место вересковым полям.

Бешеная скачка вернула ясность мыслям. В конце концов, что нового для себя я открыла? Что для матери я нелюбимый ребёнок? Это было ясно и так: за все восемнадцать лет своей жизни я не услышала от неё ни единого ласкового слова. «Душечка», «радость», «лилея моя» — всё это предназначалось Бланш, для меня оставалось лишь формальное «Ребекка».

То, что покатые плечи, льняные локоны вкупе с синей омутностью очей и многочисленные таланты нашей благородной матушки достались моей сестре, тоже откровением не являлось. Меня одарили угловатостью всех мест, которые могут быть угловатыми, неуправляемой копной каштановых волн и серой бесцветностью глаз; я когда-то смела считать их цвет подходящим на грозное небо, но матушка поспешила меня в этом разубедить. Каким-то невероятным образом все достойные и недостойные черты наших благородных родителей перемешались, и последние поспешили воплотиться во мне, тогда как первые заботливо подождали рождения

моей сестры. Да, я училась куда лучше Бланш, прекрасно разбираюсь в цифрах, а на коне сидела, по выражению отца, «будто родилась в седле», но... для матери эти таланты явно не являлись главенствующими.

То, что Бланш примет предложение Джона Лестера, я могла предположить задолго до этого счастливого события, свершившегося зимой. Пускай я не находила ровным счётом ничего привлекательного в этом елейном щёголе, но и предложение делали не мне. Конечно, матушку не радовало, что Бланш обручилась прежде старшей сестры, но отец не стал отказывать хорошему жениху лишь потому, что младшая дочь должна «ждать своей очереди». И завтра елейный щёголь прибудет сюда, в Грейфилд, на празднование дня рождения своей невесты; а по такому случаю лорд Дарнелл Чейнз, наш сосед, тоже решил удостоить наше скромное жилище своим присутствием. Вместе с Томом, его единственным сыном и моим дорогим другом.

Учитывая, что лорд Чейнз в последнее время вёл оживлённую переписку с моим отцом, даже слуги знали, что завтра Том попросит моей руки.

Я вынырнула из холодного течения собственных мыслей уже у самой кромки леса. Осадив Ветра, спрыгнула наземь. Уткнувшись лбом в буланую шкуру коня, зарыла пальцы в вороную гриву, постояв так недолго. Скулы, которые отхлестал встречный ветер, горели; шпильки, выбившиеся из причёски, тянули волосы. Я досадливо вытащила некоторые из них, а затем, подумав, избавилась от всех. Зашвырнула шпильки подальше, потрянула волосами, наконец свободными, — и села на мягкий вереск, обняв руками колени.

Некоторое время я смотрела на поля перед собой. Потом откинулась назад, прикрыв ладонью глаза, защищая их от колючего солнца, чтобы взглянуть в хрустальный

купол голубого неба надо мной. Растирая в пальцах вересковые цветы, позволила себе на минуту сомкнуть веки.

Том, Том... зачем я тебе? Кому из нас станет лучше от этого брака? Принесёт ли тебе счастье покорная, но нелюбящая жена?

И будет ли она покорной...

Когда я открыла глаза, то не сразу поняла, почему небо не голубое, а розовое.

Когда же поняла — вскочила и, судорожно отряхнув платье, окликнула Ветра, терпеливо пасущегося неподалёку.

Заснула! Да так, что уже смеркается! Неужели пропустила ужин? Дома, наверное, с ума сходят...

Мост, отделявший поле от сада, Ветер преодолел без единого звука: он летел так быстро, что копыта его едва касались земли, так, как умел он один. Я гнала коня с одной мыслью — успеть, пока градус родительского гнева не достиг точки кипения.

Но, как выяснилось, уже можно было не спешить.

Поручив Ветра заботам Элиота, поджидавшего у крыльца, я медленно поднялась наверх, на террасу: там ждали отец, с облегчением отиравший лицо платком, матушка, сжавшая губы в тончайшую линию, и некто в чёрных одеждах.

— А, вот и блудная дочь, — ледяным тоном проговорила матушка, когда я всё-таки преодолела каменные ступени.

Я ответила ей взглядом, в котором не было ни капли раскаяния.

— Знакомьтесь, мистер Форбиден, — вздохнул отец. — Наша старшая дочь, мисс Ребекка Лочестер.

— Мисс Лочестер, — повторил стоявший меж родителями незнакомец, прежде чем оглядеть меня с головы до ног.

Я знала, что́ он видит. Растрёпанную каштановую гриву, тонкие руки без перчаток, большеротое личико с пылающими скулами и платье в веточках вереска. Посмешище, пародию на благородную леди.

Но это зрелище отчего-то заставило его улыбнуться.

— Гэбриэл Форбиден, — наконец представился мужчина. — Безмерно рад знакомству.

Я молчала, на миг забыв о необходимости ответа.

Его одежды казались отрезом ночного мрака, опередившего время и просочившегося в закат. Новый владелец Хепберн-парка казался моложе моего отца, на вид я дала бы ему от тридцати пяти до сорока. Умирующее солнце окрашивало багрянцем его светлые, почти белые волосы, прихваченные чёрной лентой в низкий хвост. Черты гладко выбритого лица мужественно-изящны, тонкие губы улыбаются какой-то порочной улыбкой, в руке, облитой чёрной перчаткой, — конский хлыст... Но об ответе меня в первую очередь заставили забыть глаза «корсара». Правый, серебристо-голубой, с узкой чёрной точкой в центре, и левый — карий с зеленоватым отливом, с широким кругом по-кошачьи расширенного зрачка.

Глаза притягивали взор. И не только своей природной поразительностью, но и взглядом: он был уверенным — без гордыни, изучающим — без пытливости, ироничным — без пренебрежения, умным — без кричащего желания выказать собственные знания. Владелец такого взгляда явно знал себе цену, но предпочитал не проявлять свои таланты без особой на то надобности, крайне редко отпирая замки собственной души.

А ещё он был... опасным.

И несколько хищным.

— Очень рада, — всё-таки промолвила я, присев в реверансе.

— Должен сказать, ваши родители были столь обеспокоены вашим отсутствием, что даже не решились сесть за стол... хотя ваша сестра неоднократно и недвусмысленно намекала на то, что она голодна.

Голос его был спокойным, звучным и певучим. Он сказал не более того, что сказал, однако я откуда-то поняла: он, познакомившийся с обитателями Грейфилда всего пару часов назад, знает всё про матушкины приоритеты.

— Сожалею, что доставила вам столько неудобств, — обращаясь к нему одному, ответила я.

— Извинения — слишком зыбкая материя, чтобы принимать их в качестве платы за неудобства.

Эти слова заставили меня на миг оторопеть.

— Я... не люблю ходить в должниках, мистер Форбиден.

— Тогда в ваших интересах быть со мной повнимательнее. Возможность вернуть долг может представиться в любой момент, самый неожиданный для вас. — Новый знакомый согнулся в поклоне и, ловко перехватив мою руку, коснулся её сухими губами. — Что ж, не осмелюсь мешать воспитательному моменту, который, несомненно, сейчас последует. — Выпрямившись, он сощурил разноцветные глаза, устремив взгляд куда-то за моё плечо. — Но неужели помимо блудной дочери у вас есть блудный сын?

Я обернулась. Рассекая закатные лучи, каурый жеребец нёс к Грейфилду всадника — и эти тёмные кудри, плещущиеся по ветру, я узнала даже с такого расстояния.

Сегодня? Почему?..

— Том! — ахнула матушка.

Отец поспешно и капельку озадаченно поправил бакенбарды, и родители поспешили спуститься вниз.

Я последовала за ними, недоумевая, отчего друг решил нанести визит раньше срока, одновременно радуясь этому визиту — и досадуя при воспоминаниях о том, чем он должен завершиться.

— Томас! — улыбнулся отец, стоило всаднику спешиться. — Очень, очень рад.

Тепло улыбаясь в ответ, Том пожал протянутую ему руку; глаза его сияли бэльтайнской¹ зеленью.

Мы не виделись меньше месяца, но за это время, казалось, он успел повзрослеть и больше не выглядел в свои двадцать сущим мальчишкой. А ещё капельку осунулся, впрочем, это его только красило.

— Мистер Лочестер! Прошу прощения за неожиданный визит, но я решил, что не слишком обременю вас этим сюрпризом. Не терпелось вас повидать... к тому же есть одно дело, которое мне хотелось бы уладить до приезда отца.

Моё сердце провалилось, словно на качелях, но Том уже повернулся в мою сторону.

— Ребекка! — Казалось, он не подошёл ко мне, а подлетел. — Боги, как ты похорошела!

Иногда мне жаль, что мы не фрэнчане. В их языке так легко отличить церемонное «*vous*»² от тёплого и простого «*tu*»³. Но интонация Тома заставила меня подозревать: если бы он обратился ко мне на фрэнчском, это было бы «*vous*» — церемонное до тошнотворности, — на которое он сбивается всё последнее время. С тех самых пор, как для него наша нежная детская дружба переросла в нечто большее.

Увы, только для него.

¹ Кельтский праздник, отмечаемый в ночь на первое мая.

² Вы (фр.).

³ Ты (фр.).

— Позволишь мне руку?..

— Том, ты всегда из Ландэна возвращаешься сам не свой, — устало ответила я, даже не думая жаловать ему ладонь для желанного им поцелуя. — К чему эти церемонии? Ты знаешь, как я не люблю подобное.

— Том ведёт себя как истинный джентльмен, — заулыбалась матушка. — Кому-то неплохо было бы взять с него пример и не забывать о хороших манерах.

— Полагаю, матушка, вести себя по-джентльменски мне будет трудно, — заметила я хладнокровно и зло. — Не могу сказать, что горю желанием погибнуть в цвете лет на дуэли, отстаивая чью-либо честь, а с характером... как вы изволили выразиться... «норовистой кобылы» избежать дуэлей будет нелегко.

В ответ меня смерили почти угрожающим взглядом, но в этот миг за моей спиной зазвенел незнакомый, приятный, хорошо поставленный смех: наш гость явно оценил шутку.

— А, знакомься, Том, — проговорил отец, усиленно пряча улыбку в уголках губ. — Мистер Гэбриэл Форбиден, новый владелец Хепберн-парка. Мистер Форбиден — лорд Томас Чейнз.

Рукопожатие было коротким и безмолвным. Том, словно следуя моему примеру, изумлённо вглядывался в глаза нового знакомого; ответный взгляд был с прищуром — ещё ироничнее прежнего.

— Значит, это вы купили поместье, — наконец проговорил Том. — Как там леди Хепберн?

— Полагаю, наша сделка поможет ей не только погасить долги почившего супруга, но и безбедно прожить остаток дней. Правда, при всех моих наилучших ей пожеланиях, боюсь, что остаток этот будет весьма немногочисленным. — Мистер Форбиден улыбнулся. — Ну-ну, не смотрите на меня так, милорд Томас. Я лишь

констатирую очевидный факт. И моё предложение касательно Хепберн-парка было более чем щедрым: мне нет нужды грабить бедных старушек.

— Я... не...

— Что ж, полагаю, теперь я точно здесь лишний, — заключил «корсар». — Позвольте откланяться.

— Уже? Оставайтесь на долгожданный ужин, мистер Форбиден!

— Не думайте, что я проявляю великодушие и не поймаю вас на слове, но как-нибудь в другой раз, мистер Лочестер.

Отец, добродушно вздохнув, подал знак Элиоту, ждавшему неподалёку, — и старик, уже позаботившийся о коне Тома, вновь зашаркал к конюшне.

— Не хочу утруждать вас своими проводами. — Мистер Форбиден небрежно махнул хлыстом в сторону дверей в дом. — Мисс Лочестер, должно быть, проголодалась побольше нашего.

Обитатели Грейфилда, охотно послушавшись, поспешили распрощаться с тревожным гостем. Подав руку матушке, Том повёл её наверх, отец последовал за ними, — но я не двинулась с места.

— Что, мисс Лочестер? — лениво поинтересовался мистер Форбиден.

— Полагаю, это не ваш дом, чтобы вы распорядились, когда и куда мне идти, — холодно заметила я, открыто глядя в его глаза.

— Безмерно рад вашей пронизательности, — серьёзно отозвался мужчина. — Однако, полагаю, на этот вечер вашей матушке хватит переживаний по поводу вашего непокорства. Пускай этот милый молодой человек и отвёл грозу от вашей очаровательной головки, но я бы на вашем месте поторопился.

— Ребекка? — будто услышав, требовательно спросила моя почтенная родительница.

Я вздохнула. Взглянула на здоровенного вороного жеребца, которого Элиот не без труда выводил из-за угла.

Отвернулась, чтобы бросить через плечо:

— До свидания, мистер Форбиден.

— До свидания, мисс Лочестер. Скорого, надеюсь. — В его голосе мне послышалась усмешка. — И не забывайте, что вы моя должница.

Мысок моей туфли на миг завис в воздухе, но я не обернулась.

Глава вторая,

*в которой Ребекка видит кошмары
во сне и наяву*

Ужин проходил в молчании на женской половине стола и в оживлённом разговоре — на мужской.

— И как тебе новый сосед, Том? — в один момент осведомился отец.

— Он ужасен! — выпалила Бланш. — В нём есть что-то... зловещее.

— А его конь? Вы видели его коня? — включилась в разговор матушка. — Чудовище для чудовища!

— Бросьте, дамы! Мне лично мистер Форбиден казался очень интересным собеседником. Хоть и несколько эксцентричным, конечно.

— Но нечто недоброе в нём всё-таки есть, — высказался Том. — И его глаза...

— Да-да! А ведь глаза — зеркало души, — не преминула вставить матушка.

— В таком случае я — образец серой бесхарактерной личности, зато в тихих омутах Бланш обязаны водиться келпи¹, — сказала я вполголоса, ни к кому особенно не обращаясь. — Но, видимо, им до того нравится купаться, что за все эти годы они так ни разу и не вынырнули.

¹ В шотландской мифологии — водяные духи, обитающие в реках и озёрах, по большей части враждебные людям.

Том рассмеялся, отец хмыкнул, Бланш лишь хлопнула ресницами, но взгляд матери окатил меня ледяной волной. Впрочем, тут отец завёл разговор о возможной дальнейшей судьбе леди Хепберн, матушка охотно в него включилась, и посему буря снова обошла меня стороной.

Когда перешли в гостиную пить чай, Том, решительно поглядев в глаза матушки, внезапно попросил её выйти «куда-нибудь в уединение». Та тут же поднялась с кресла — с притворным удивлением на лице, — чтобы молча повести дорогого гостя в библиотеку. Стоило им скрыться за закрытыми дверями, как в гостиной повисла тишина; отец с излишней беззаботностью набивал трубку, Бланш с лучезарной улыбкой смаковала свой чай.

— Можете не изображать неведение, — устало произнесла я, тщетно пытаясь вернуть упавшее сердце на его законное место в груди. — Всё равно актёры из вас, честно говоря, никчёмные.

Отец виновато закашлялся.

Конечно, Том не просил у матери моей руки. Он уже испросил разрешения у отца, и другое ему было не нужно. Должно быть, сейчас он лишь желал получить совет, как лучше обставить своё предложение: дожидаться лорда Чейнза или высказаться сейчас; сделать это при всех — или же ему позволят остаться со мной наедине.

Зная матушку, я не сомневалась, что именно ему посоветуют.

Двери отворились, и отлучившиеся вернулись к нам: вначале мать, промокавшая сухие глаза кружевным платком, а за ней Том, направившийся прямо к моему креслу. На его бледных щеках пылал румянец волнения.

Когда друг опустился на одно колено, обратив сияющий взор на моё лицо, я лишь отчаянно взглянула на него сверху вниз.

— Ребекка, я не хочу утомлять тебя множеством красивых слов. Скажу лишь то, о чём ты могла догадаться уже давно: я люблю тебя. Больше солнца, больше неба, больше жизни своей. Отныне в твоих руках сделать меня счастливейшим человеком на этой земле... или осудить на гибель. — Том взял мою руку в свою. — Я прошу тебя стать моей женой.

Я сидела, глядя в его зелёные глаза. Давно, до боли давно знакомые, известные мне до едва заметных светлых точек вокруг зрачка.

Капкан захлопнулся. Удавка захлестнулась. А мне не остаётся ничего, кроме как затянуть её собственной рукой.

О да, матушка прекрасно знала, что посоветовать. Если наедине с Томом я ещё могла набраться смелости и попросить время на раздумье — здесь и сейчас, под выжидающими взглядами всех, кто иначе не даст мне жизни, я не чувствовала в себе этой смелости.

Я глубоко вдохнула:

— Том...

Требовательный стук дверного молотка заставил меня вздрогнуть.

— Это ещё кто? — почти рывкнула мать.

Не задумываясь о том, что делаю, желая хоть на время ослабить петлю, стягивающую мою шею, я встала, бесцеремонно вырвав свою руку из пальцев Тома, и почти выбежала из комнаты.

— Фоморское¹ отродье! — ругался знакомый голос, отвечая Нэнси, нашей горничной. — Отродясь со мной такого не случалось...

Я изумлённо застыла посреди холла.

¹ Мифические существа, представляющие в ирландской мифологии демонические, тёмные силы хаоса.

— Мистер Форбиден?..

«Корсар» немедленно вскинул голову, обратив на меня разноцветный взор.

— А, мисс Лочестер! Видимо, боги услышали моё пожелание нашего скорого свидания, — усмехнулся он. — Фоморы знают что такое! Не успел я проехать и мили, как мой конь вдруг взбеленился, встал на дыбы и завалился на бок. Когда же он вскочил, то немедленно понёсся по направлению к Хепберн-парку, не дожидаясь, пока я изволю занять своё место в седле. Все мои крики, обращённые к этому неразумному животному, разве что вспугнули мышей в полях. Другой такой чудной ночью я с удовольствием прогулялся бы пешком, но, боюсь, при падении вывихнул ногу. А поскольку до вашего поместья мне куда ближе, чем до собственного... я решил, что не слишком обременю вас просьбой выделить мне угол, где моя нога сможет пробыть в покое до утра.

— О чём разговор! — всплеснул руками подоспевший отец. — Нэнси, приготовь комнату мистеру Форбидену! И передай, чтобы его ногу осмотрели.

— Да, сэр. — Девушка подобрала юбку. — Прошу следовать за мной, сэр.

— Прошу прощения за то, что целый вечер докучаю вашему дому своим присутствием.

— Ничего страшного, — заверил его отец. — Мы ведь соседи.

Мистер Форбиден кивнул и, подволакивая левую ногу, направился за горничной.

Я не замедлила последовать за ними.

— Ребекка, куда ты? — воскликнули за моей спиной.

Я понимала, что матушка очень старалась скрыть удивлённую ярость в голосе, но ей это не особо удалось. И меня это не остановило.

— Ужасно болит голова, — как можно убедительнее простила я. — Простите, мне нужно лечь. Спокойной ночи, матушка, отец, Том...

— Прекрасных снов, Ребекка, — неуверенно ответил мой друг.

Не оборачиваясь, я поднималась по лестнице, зная, что за моей спиной происходит оживлённое, полное изумления переглядывание моего семейства с пока ещё несостоявшимся женихом.

В конце концов, Чейнзы должны были приехать только завтра. И я имею полное право провести эту ночь свободным человеком. Хотя бы эту последнюю ночь.

Пусть даже на волосок от брака.

Тупик. Откуда, почему, почему сейчас?!

Я долго бежала в ночи, пытаюсь скрыться от своего преследователя в зелёном лабиринте, но тщетно. Волк гнался за мной по пятам и сейчас, когда я обернулась, уже ждал.

Он был близко. Слишком близко. До этой ночи я считала выражение «горящие глаза» просто фигурой речи, но его глаза, слишком умные для обычного зверя, горели хищным огнём.

Я пятилась, пока не упёрлась спиной в стену, — и тогда волк, торжествующе оскалившись, кинулся вперёд.

Последним, что я увидела, были сияющие разноцветные глаза...

Я села в кровати, задыхаясь, дрожа от липкого холода, ползущего по спине. Вокруг расстилалась тьма моей

комнаты, сквозь открытое окно доносился далёкий волчий вой.

Сон. Это был только сон.

Какое-то время я ещё прислушивалась к звукам ночи. Затем откинулась на подушку, чтобы почти сразу заснуть.

Второе моё пробуждение вышло немногим приятнее первого. Я открыла глаза от дикого вопля, прорезавшего утренний воздух. Вскочив и выглянув в окно, увидела подле крольчатника кричащую Нэнси: девушка явно была на грани обморока.

Я не мешкала, одеваясь и спускаясь вниз, но когда подошла к крольчатнику, другие домочадцы уже толпились вокруг. Нэнси, должно быть, увели; я увидела Бланш, обмякшую на руках у отца, бледное лицо Тома и зеленоватое — матери, однако слишком поздно услышала предостерегающие крики, чтобы не успеть обратить взор на распахнутую прутчатую дверцу.

Дверцу, за которой...

Зрелище заставило меня отшатнуться, судорожно дыша, чтобы справиться с внезапно подступившей тошнотой.

— О боги, — невольно вырвалось у меня. — Разорваны в клочья...

— Кто это сделал? — прошептал Том.

Белизна его щёк спорила с молочным цветом моего платья. Неожиданно: никогда раньше не замечала в друге подобной слабости.

— Волк, — мрачно отозвался отец. — Нэнси говорит, она вставала ночью и слышала вой. Где-то рядом.

— Я тоже, — припомнив своё ночное пробуждение, сказала я.

— Бедная Бланш, — всхлипнула матушка, — она так любила играть с пушистиком...

Однако ни слезинки не роняла, когда их отправляли на кухню, подумала я — и, поражённая неожиданной мыслью, вскинула голову:

— Но как волк открыл дверцу крольчатника?..

— Наверное, её забыли запереть, — предположил отец. Оглядев собравшихся, нахмурился: — Мистер Форбиден ещё спит?

— Он ушёл с рассветом, — подал голос Элиот. — Просил передать, что его ноге гораздо лучше, Нэнси ему компрессы какие-то сделала... Благодарил за гостеприимство. Обещал пожаловать на ужин, но не обещал, что сегодня.

Морщинка меж бровей отца разгладилась.

— Что ж, — молвил он, — хозяин Хепберн-парка будет в нашем доме желанным гостем.

Я вспомнила свой сон, и мурашки пробежались по моей коже — на тёплом майском ветру.

Глава третья,

*в которой повествуется о поцелуе
и других непристойностях*

К обеду начали прибывать гости. К счастью, к тому времени последствия волчьего визита уже успели устранить. Я терпеливо взирала с крыльца, как Джон Лестер рассыпается в любезностях перед Бланш, пока его сестра восторженно щебечет какую-то милую чепуху; как расцеловывается с миссис Лестер матушка; как главы семейств сердечно жмут друг другу руки. Завтра Бланш исполнялось семнадцать, свадьба намечалась через месяц, и все ощущали себя одной большой семьёй.

Когда моё обязательство встречать гостей себя исчерпало, я с облегчением удалилась на задворки сада с книгой. Рэйчел, единственная моя подруга, оставшаяся в Ландэне, прислала мне эту книжную новинку с самыми восторженными рекомендациями, так что роман определённо заслуживал внимания. Впрочем, я долго сидела на скамье, бессильно скользя глазами по первой строке, пытаюсь понять её смысл; мысли мои были далеко.

Новый сосед. Станный сон. Кролики... Хотя наверняка этот сон — простая случайность, навеянная знакомством с мистером Форбиденом и волчьим воем. Что же до дверцы крольчатника, её действительно забыли

запереть, а кролики оказались настолько глупы, что даже не попытались сбежать. Всё просто.

Успокоив себя таким образом, я утопила неясную тревогу в глубинах души и наконец погрузилась в чтение. Впрочем, почитать мне так и не дали: я ещё не закончила первую главу, когда на страницы легла чья-то тень.

— Как твоё самочувствие, Ребекка?

— Более или менее. — Я подняла взгляд, сияясь скрыть досаду. — Как ты, Том?

— Прекрасно. Ещё более — с тех пор, как тебя увидел.

— Том, от твоего высокопарного слога у меня скоро начнётся чесотка.

— Это лишь жалкая попытка выразить мои чувства.

— Мне были куда больше по вкусу чувства мальчишки, с которым мы бегали наперегонки и прыгали в речку с ив.

Том не ответил: как всегда, стоило мне заговорить о былом.

— Что читаешь? — спросил он вместо этого.

Я молча повернула книгу обложкой вверх.

— Каррер Белл? Никогда не слышал о таком авторе.

— Это его первая книга. Надеюсь, будут и последующие.

— Книга так хороша?

— Если ты какое-то время не будешь меня отвлекать, я смогу об этом посудить.

Когда его глаза потемнели, я пожалела о своей резкости.

— Том. — Я поднялась со скамьи, стараясь смягчить свой голос. — Я хотела сказать...

В следующий миг у меня перехватило дыхание, по той причине, что руки его обвили мою талию и эти стальные объятия выбили весь воздух из моей груди.

— Ребекка, ты действительно так жестока? — Глаза Тома оказались так близко, что я могла пересчитать ресницы. — Почему ты пренебрегаешь моими чувствами?

— Том...

— Ты не видишь, как я схожу с ума? Ловлю каждый твой взгляд, слово, улыбку? Как живу и дышу ради тебя? Да, я знаю, что для тебя я остаюсь мальчишкой, с которым можно на пару читать страшные сказки, но я надеялся, что ты повзрослеешь... поймёшь...

Я не узнавала его. Это был не тот милый мальчик, с которым мы вместе играли в детстве, но кто-то, кого я не знала: чужой, страстный, серьёзный, взрослый — только не Том. Его хватка чуть не ломала кости, но пальцы его дрожали. Чужие руки обжигали даже сквозь шёлк платья, горячее дыхание лихорадило мои щёки, и эти глаза... Я вдруг поняла, что заставило их потемнеть.

Расширившийся зрачок, сделавший их чёрными.

— Том, я...

А потом я лишилась возможности сказать хоть слово, потому что его губы — жадные, жёсткие, яростные — прижались к моим губам.

Поцелуй был почти укусом. Яд странного оцепенения пробежался от губ по телу, заставляя забыть о необходимости дышать, моргать, сопротивляться.

Затем я обеими руками толкнула юношу, бывшего моим другом, в грудь, вывернувшись из огненных тисков и, отступив на шаг, наотмашь хлестнула его по щеке.

— Да как... — слова застревали в горле, — как ты... смеешь...

Он не попытался снова схватить меня. Не тронул место удара, проступавшее на коже красной отметиной. Просто стоял, опустив руки, молча вглядываясь в моё лицо: со странным отчаянием в чёрной бездне, которой обратились его глаза.

И тогда, задыхаясь, я подобрала юбку и побежала, каждым шагом вторя бешеному ритму молоточков в моих висках.

Я остановилась лишь где-то в полях. Прижала ладони к щекам; пальцы мои показались мне ледяными. Сердце колотилось, мысли путались, всё перед глазами плыло в странной дымке. Потом решилась оглянуться.

Меня никто не преследовал.

Том. Том, мой добрый друг, который никогда меня не предаст, никогда не сделает мне больно... так думала маленькая наивная я. Что ж, этот поцелуй — первый мой поцелуй, украденный, вырванный силой, — сказал мне куда больше, чем могли сообщить любые слова.

Я отняла ладони, уставившись на мокрые пальцы. Яростно растёрла слёзы по щекам. Я плачу? Отчего? Потому что друг — самый старый, самый верный друг — ради сиюминутной прихоти запросто наплевал на мои желания и нашу дружбу?..

Фоморы бы тебя побрали, Томас Чейнз!

— Фоморы бы побрали тебя, — прокричала я вслух, с ненавистью глядя в небо, срываясь на какой-то птичий крик, — и отца твоего, и твоё предложение!

— Полагаю, — знакомый скучающий голос неожиданно раздался прямо за моей спиной, — на сей раз волнение вашей матушки будет сполна искуплено тем, что подобное высказывание в её присутствии точно обеспечило бы ей удар.

Я отпрянула ещё прежде, чем обернулась.

— Мистер Форбиден?! — сорвалось с губ, когда перед глазами ожидаемо предстал новый сосед.

— Меня так трудно узнать?

Он сидел на коне, держась в седле с такой уверенной аристократической выправкой, какой я не видела даже у отца.

— У вас привычка подкрадываться со спины и подслушивать? — сердито осведомилась я.

— Не более чем у вас — сбегать из дому. — Разноцветные глаза смотрели на меня сверху вниз. Прямо, очень внимательно, вызывая смутное желание отвести взгляд; но я не поддалась этому желанию, как не поддалась порыву отойти ещё дальше от вороного жеребца, рывшего землю копытом. — Я два раза окликнул вас, но вытянуть вас из мысленного омута не было никакой возможности.

Я ощутила запоздалое смущение. Что я себе позволяю, в конце концов?

— Я... просто...

— Вы дрожите, мисс Лочестер. Думаю, сейчас вам не помешали бы покой, уют и горячий чай. — «Корсар», не моргая, склонил голову набок. — Но поскольку, как я могу предположить, стремления попасть домой у вас нет, осмелюсь пригласить вас в своё скромное жилище.

— Вы... меня... к себе?

— Почему бы и нет? В конце концов, если помните, за вами долг, а пара часов приятного общения с вами способна если не погасить его, то поспособствовать его уменьшению.

Я теребила складки юбки, пытаясь рассуждать здраво, насколько мне позволяла лихорадочная путаница в моём сознании, пытавшемся представить всё происходящее нереально реалистичным сном.

С одной стороны, это было верхом неприличия — отпраиваться одной в дом к незнакомому, в общем-то, мужчине, да к тому же без ведома родителей. Если кто прознает об этом, моей репутации конец. С другой — меньше всего на свете мне сейчас хотелось возвращаться домой, а провести ближайшее время, бродя по полям беспокойным призраком, было не слишком прельщающей перспективой.

С третьей — после того, от чего я сейчас бежала, думать о репутации и приличии...

Меня вдруг взяла злость на весь мир. Если я приму предложение Тома, ему — и мне — сойдут с рук куда худшие вещи, чем поцелуй до свадьбы, и никого не будет волновать, что жених поцеловал будущую невесту против её воли; но простой разговор с женщиной, который годится мне в отцы, навеки поставит на меня клеймо распутницы. Почему? Почему я всю жизнь должна играть по дурацким правилам тех, для кого я — не личность, а лишь ходячая утроба для чьих-то будущих детей, почему каждую минуту должна думать о мнении и желаниях людей, для которых мои собственные желания — пустой звук?

— Грядёт буря. — Будто услышав мои мысли, мистер Форбиден протянул мне руку в чёрной перчатке. — Я на вашем месте не колебался бы.

Его голос оплетал душу змеем-искусителем. Или всему виной разноцветный взгляд?.. Я уже не думала: просто приняла предложенную помощь и вспрыгнула на коня позади него.

В конце концов, может, я действительно просто сплю...

Глава четвёртая,

в которой происходит разумное чаепитие

Хепберн-парк располагался сразу за лесом. Даже не столько за лесом, сколько на его краю. Я всегда считала старинный мрачный особняк, окружённый темнокорыми елями, подходящей декорацией для историй с привидениями; не слишком высокий, почти чёрного камня, он странным образом давил на гостей, вызывая у них желание скорее войти внутрь или уехать восвояси.

Надо сказать, нынешний владелец подходил Хепберн-парку куда больше, чем покинувшая его леди Хепберн. Добродушные морщинистые старушки не особо вписываются в страшные истории.

Нас встретил вначале мальчик-конюший, а затем чопорный лакей, проводивший меня в гостиную и усадивший перед очагом. Каменные стены особняка источали холод; я с наслаждением протянула руки к огню, дожидаясь хозяина дома, который отправился переодеваться. Его слова насчёт бури оказались правдивыми: стоило нам войти в дом, как в окна требовательно застучал ливень.

Мистер Форбиден вернулся ко мне одновременно с лакеем, несшим поднос с чаем. Одно его чёрное одеяние сменилось другим. Странная любовь к краскам ночи и траура...

— И плед, будь добр, Уильям. Мисс Лочестер продрогла, как вижу.

— Не надо.

Как бы ни были холодны стены Хепберн-парка, я понимала, что дрожу не от холода.

— Как пожелаете. — Усевшись в кресло напротив, мистер Форбиден наблюдал, как я помешиваю сахар в фарфоровой чашке; насколько я могла судить, это был очень хороший фарфор. — Итак, мисс Лочестер... полагаю, лорд Томас всё же чем-то вас обидел? Как обманчива внешность, однако.

— С чего вы взяли? — вновь обретя дар речи, спросила я.

— Как я догадался? — безжалостно поправил мой собеседник. — Не заметить, как он на вас смотрит, мог лишь полный слепец, а я таковым не являюсь. Учитывая, что в поле вы выкрикивали проклятия в адрес некоего человека, который сделал вам предложение, свети концы с концами нетрудно.

Я молча поднесла чашку к губам.

— Чем же вас не устраивает лорд Томас Чейнз, мисс Лочестер?

Я молча сделала глоток.

— Мисс Лочестер, вы можете промолчать, и ваша душевная рана затянется сама собой. Но если дать ей затянуться, не приняв противовоспалительных мер, возникнет безобразный и болезненный нарыв, который со временем вскроется. И, поверьте, время это будет самым неподходящим.

Я молча звякнула чашкой о блюдечко.

— Том — достойнейший юноша из всех, что я знаю. — Слова сорвались с губ, казалось, против воли. — Он красив, он умён, он добр, благороден и учтив...

— Но. Далее определённо должно следовать какое-то «но».

Я опустила взгляд, рассматривая искусно вытканные цветы на пёстром ковре.

— Мы дружны с ним с детства. — Говорить было легко: точно разговариваешь с кем-то, знакомым давным-давно. — Чейнзы всегда большую часть года проводили не в Ландэне, а здесь, в Энигмейле...

— Их поместье?

— Да. Тому было скучно там одному, и он часто отлучался в Грейфилд, к ближайшим соседям. К нам. С высочайшего позволения отца, конечно. — Я сделала ещё глоток. — Он всегда относился ко мне очень бережно. Поэтому я не сразу поняла, когда... когда...

— Когда из друга обратились для него в возлюбленную? — Мистер Форбиден склонил голову к плечу, разглядывая меня, словно диковинного зверька. — Но чем же всё-таки вас не устраивает лорд Томас, мисс Лочестер?

— Это, знаете ли, слишком личный вопрос.

Он пожал плечами:

— Как знаете. Скажу только, что вам не пристало особо воротить нос. Сын самого графа Кэрноу — блестящая партия для девушки из рода вроде вашего, не блещущего ни древностью, ни богатством. А для девушки, от которой предпочтёт держаться подальше любой приличный молодой человек, тем более.

— Я чем-то вас оскорбила, что вы решили сделать оскорбление взаимным?

— Это не оскорбление, мисс Лочестер, а констатация факта. Невеста должна быть мила, скромна, послушна, ничего не знать и ничего не желать от этой жизни. Смелость, дерзость, желание расправить крылья... всё это не в чести. Готов поспорить, все званые ве-

чера вашей матушки вы просиживали взаперти в своей комнате, потому что стоило вам попасть в общество, как вы начинали говорить; но приличной девушке дозволено говорить лишь тогда, когда к ней обращаются, и не более чем нужно, чтобы выразить благодарность за то, что на неё обратили внимание. А между тем окружающие так напыщенны, так глупы, и так хочется внести в их пустую болтовню хоть что-то настоящее... *Omniium rerum quarum usus est, potest esse abusus, virtute solo excepta*. Знаете, что это значит?

— «Может быть злоупотребление всеми вещами, которые употребляются, за исключением одной только добродетели».

— О, так вы ещё и образованны? Тем хуже для вас. Какие языки вы знаете?

— Я свободно говорю на фрэнчском и знаю латынь.

— А! Тогда для вас ещё не всё потеряно. Два языка — в пределах нормы. Вот когда девушка знает три-четыре, как в Русианской империи... для наших соотечественников это уже слишком.

— *Autant de langes qu'un homme sait parler, autant de fois est-il homme*¹; но наша гувернантка просто не могла научить нас большему.

— Скажу вам, мисс Лочестер, что я обычно сам был своим учителем. И, должен признать, всегда оказывался своим любимым учеником.

Я прищурилась:

— Мистер Форбиден, осмелюсь предположить, что гордыня — главный ваш грех.

— Ошибаетесь, мисс Лочестер. Если говорить о грехах, то я в одинаково добрых отношениях со всеми

¹ Кто знает много языков, тот живёт жизнью многих людей (фр.).

семью. — Он улыбнулся моей оторопи. — Кстати, это возвращает нас к добродетели и к тому, что в наших гостиных даже из неё умудрились сделать доходный товар. И вы, не считите за оскорбление, по меркам почтенных матрон не слишком-то дорого стоите.

— И вы не считаете это оскорблением?

Почему-то я не была сердита. Забавно, но наш разговор странным образом меня... веселил?

— Констатацией факта, повторюсь. К примеру, сейчас вы в комнате наедине с посторонним мужчиной. Более того, почти незнакомым посторонним мужчиной. Не бойтесь, что я посягну на вашу честь? Ведь мы, мужчины, только об этом и думаем, завидев молоденькую девушку... если верить почтенным матронам.

— Нет, не боюсь.

— Только за это любая добропорядочная девица будет иметь полное право презрительно от вас отвернуться.

— Возможно, я подтвержу ваше невысокое мнение о моей персоне, но мне будет абсолютно всё равно.

Я действительно не боялась. Возможно, напрасно.

Особенно если вспомнить события сегодняшнего утра.

— Вы подтвердите моё мнение, но отнюдь не невысокое. — Он сидел, с королевским достоинством откинувшись на спинку кресла, соединив кончики длинных пальцев. — Мисс Лочестер, я не знаю, что плохого сделал вам Томас Чейнз, но я могу сказать одно: вы рождены не для него, а он — не для вас. Вы — дикая птица, загнанная в клетку условностей. Он обмотает вашу клетку нерушимой цепью бесконечных аристократических обязанностей.

— Кто вы такой, чтобы об этом судить?

— Человек, который достаточно пожил на этом свете. И повидал больше, чем ваши достопочтенные родители, вместе взятые. — Он улыбнулся: не порочной, а вполне приветливой, лишь хитрой немного улыбкой. — Вы противоречите мне, хотя я высказываю ваши же мысли, которых вы страшитесь. Не думаю, что лорд Томас когда-нибудь сможет постичь хотя бы тень этих мыслей.

Я помолчала, глядя в окно, плачущее под ударами тяжёлых капель.

— Забавно, — вдруг произнесли мои губы, — я никогда в жизни ни с кем не разговаривала так... просто. А с вами... человеком, едва мне знакомым...

— Существует родство душ, мисс Лочестер. В том, что вы — моя духовная родственница, я убедился, едва вас увидел. Растрёпанная, с пылающими щеками и серым штормом в глазах — до чего же вы были хороши, фомор побери! Особенно после двух часов, проведённых в стерильном обществе вашей пустоголовой сестрицы и матушки, похожей на сушёную рыбку.

— Я не давала вам никакого права оскорблять мою семью.

— Ваше право, мисс Лочестер, мне совершенно ни к чему. Впрочем, прошу прощения. — Мистер Форбиден поглядел в окно. — Мне кажется или вам немного полегчало?

— Немного, — поколебавшись, согласилась я.

— Тогда, пожалуй, я велю подать экипаж. Ливень не думает утихать, а дома вас скоро хватят. Не имею ни малейшего желания способствовать тому, чтобы вас посадили под замок.

— А вам какой интерес?

Поднявшись на ноги, он подал мне руку.

— Надеюсь ещё не единожды разбавить своё одиночество приятной беседой с моей очаровательной родственницей.

Я вложила свои пальцы в его ладонь почти без промедления.

Пока мистер Форбиден отдавал распоряжения, я стояла под зонтом, который мне любезно одолжили, и с любопытством оглядывала окрестности. Окутанный ливневой дымкой мир казался нереальным. Может, я всё-таки сплю?..

Край глаза уловил движение у угла дома. В льющемся из окон свете блеснули два золотых пятна. Я сощурилась — и страх прокатился по телу волной ледяного оцепенения.

Белый? Посреди дня? Здесь?..

— Волк!

Крик вырвался одновременно с тем, как белая тень рванулась вперёд. Я отшатнулась, понимая, что не успеваю, решительно не успеваю...

Но тень пронеслась мимо.

— А, вот и ты, разбойник! Ты напугал нашу гостью!

Я не сразу поверила своим глазам, когда увидела, как мистер Форбиден почёсывает мокрую шерсть за острым ухом зверя, севшего у его ног.

— Знакомься, Лорд. Мисс Ребекка Лочестер, — глядя волку в глаза, с самым серьёзным видом продолжил хозяин Хепберн-парка. — Мисс Лочестер, это Лорд.

— Это... волк? — зачем-то беспомощно уточнила я.

— Я умею находить со зверьём общий язык. — Мистер Форбиден поднял голову и улыбнулся: — Лорд — мой старый приятель.

Волк обернулся, взглянув на меня умными бледно-жёлтыми глазами. Чрезвычайно умными.

Возможно, то была лишь игра света и дождливой мороси, однако в глазах зверя и в глазах его хозяина мне почудилось некое странное, невероятное сходство.

— Когда-нибудь и вы поладите, я уверен, — добавил хозяин Хепберн-парка под дробь приближающегося перестука копыт. — А, вот и ваш экипаж. Думаю, вы не сильно оскорбитесь, если я не стану вас провожать: я и без того достаточно докучал вам сегодня своим обществом. Матушке расскажете, что я наткнулся на вас в полях и любезно предоставил вам свой экипаж, предпочтя пешую прогулку до дома. А чтобы легенда выглядела правдоподобней, отдайте мне зонт. Вам не помешает немножко промокнуть.

Я подчинилась, и ливень не замедлил забарабанить по макушке. Искоса поглядела на Лорда.

Волк сидел спокойно, точно комнатная собака.

— Не держите зла за всё, чем обидел. — Видимо, удовлетворившись влажностью моей одежды и волос, мистер Форбиден услужливо распахнул передо мной дверцу кареты. — Я, в сущности, неплохой человек... если со мной не общаться.

Я засмеялась почти невольно.

— Спасибо, мистер Форбиден, — произнесла я искренне. — Вы мне... помогли.

— Всегда рад. — Он поклонился. — Всего доброго, мисс Лочестер.

Я смотрела в окно, пока Хепберн-парк не скрылся из виду. Затем задёрнула шторку и отвернулась, уставившись в темноту перед собой.

Общество нового соседа вызывало у меня ни с чем не сравнимое чувство: словно тебя одновременно терзают жар и холод. Было в этом человеке что-то... притягательное. Хищность его взгляда, порочность его улыбки — всё это странным образом привлекало. Так детей

привлекают страшные сказки, даже если они знают, что заплатят за это бессонной ночью.

Наверное, так пламя привлекает мотыльков.

Странно, но никто и никогда не был для меня столь приятным собеседником, даже Рэйчел, моя добрая подруга. Возможно, один лишь Том... до недавнего времени. Я ни с кем не могла говорить о том, что поведала новому соседу. Мать велела бы мне выйти вон, не удосужившись дослушать; Бланш лишь похлопала бы ресницами, не замедлив после наябедничать кому только можно. Отец выслушал меня как-то раз, но ответом мне были грустная улыбка и слова, которых я, в принципе, ожидала.

«Ребекка, вы с Томом — давние друзья, а это уже немало. Мы с твоей матерью были лишены и этого. Однако я ни разу... да, ни разу... не пожалел о нашем браке. — Я и сейчас помнила ласковое прикосновение к волосам, которым меня тогда наградили. — Чувство приложится со временем, вот увидишь».

Да, какое-то чувство определённо приложится. Дружба, которая станет нежнее, чем прежде. Уважение.

Но не то, о котором писали в моих любимых книгах.

Что делать, если я чувствую, каким-то шестым чувством чувствую, что не должна сейчас всовывать голову в брачную петлю? Что делать, если душа порой замирает в предчувствии чего-то неизвестного, а вересковый ветер нашёптывает: «Что-то случится, вот сейчас, совсем скоро, подожди ещё немного, ещё чуть-чуть...»

Правда, теперь мне казалось, что я знаю ответ на этот вопрос.

Глава пятая,

*в которой мы узнаём, что цепи дружбы
сковывают не слабее прочих цепей*

Когда я вышла у родного крыльца, дождь уже кончился. На террасе нервно прохаживался отец; завидев меня, он всплеснул руками и поспешил навстречу.

— Несносная девчонка! И что с тобой эти дни творится? С чего ты опять убежала? Мы уже отправили слуг тебя искать! — Сердитому тону немного не соответствовали объятия, в которые меня не замедлили заключить. — Но ты не слишком промокла, как я полагаю! Чей это экипаж?

Значит, Том никому ничего не сказал...

— Мистера Форбидена. — Я кивнула кучеру, который, откланявшись, вновь вскочил на облучок и щёлкнул кнутом, понукая коней. — Он встретил меня... в полях. Любезно одолжил экипаж.

— А где же он сам?

— Решил вернуться домой. Пешком.

— В ближайшее же время навещу его, дабы выразить благодарность, — сердечно изрёк отец.

— И, возможно, я составлю вам компанию, мистер Лочестер, — негромко произнёс кто-то за моей спиной. — Признаться, слухи и домыслы касательно личности нашего нового соседа изрядно меня заинтриговали.

Склонив голову, я обернулась — и присела в реверансе:

— Милорд...

Отец Тома, как всегда, без улыбки глядел на меня.

Поджарый и статный, с бледным, гладко выбритым лицом, с тёмными, без блеска, глазами — лорд Чейнз всегда чем-то меня пугал. Отчасти ещё и потому, что был магом. Однажды он даже колдовал при мне; я до сих пор помню, как сквозь белый шёлк его рубашки пробивалось алое свечение магической печати, украшавшей его руку сияющим клеймом, проявлявшейся, когда её владелец использовал свой дар.

— Добрый день, Ребекка, — промолвил лорд Чейнз бесстрастно. — А вы похорошели.

— Благодарю, милорд, но вы льстите мне.

Матушка была бы мной довольна. В кои-то веки я не поднимала глаз, что могло бы сойти за смущение.

Впрочем, довольство её было бы весьма непродолжительным.

— Мистер Лочестер, вы не будете против, если я немного пройдусь по саду в сопровождении вашей дочери?

Отец удивлённо вскинул голову — одновременно со мной.

— Сейчас?..

— Боюсь, стоит вашей супруге её увидеть, и нам будет не до этого.

Страдальчески ущипнув себя за бакенбарды, отец кивнул.

— Мисс Лочестер, не откажетесь составить мне компанию?

Всё-таки удосужился спросить. Надо же.

Я кивнула, первой направившись к яблонево́й аллее.

— Том рассказал мне всё, — заговорил граф, когда мы отошли достаточно далеко. — Как о вчерашнем вестере, так и о сегодняшнем утре.

Я молчала, каждым шагом вминая в гравий ещё одну снежинку мокрых яблоневых лепестков, следя за отблесками света на рукояти его трости.

— Я насилу удержал его от того, чтобы поведать об этом... инциденте всем вокруг. Окружающим ни к чему об этом знать. Мой сын глубоко раскаивается в случившемся, и я не смог бы покарать его больше, чем он карает себя. Однако я знаю, мисс Лочестер, что вы — человек с железной волей. Такие люди не склонны легко прощать... и легко ломаться под давлением обстоятельств. Я знаю, вы способны отвергнуть предложение моего сына, невзирая на то, что за это вашу жизнь обратят в преисподнюю. Более того, я знаю, что в крайнем случае вы вполне способны порвать с этой жизнью и пуститься в вольное плаванье... но к чему такие жертвы?

— Я понимаю, куда вы клоните, милорд, однако...

— Ребекка, подумайте, что мой сын... что мы предлагаем вам. Богатство. Уважение. Безбедную жизнь. Таковую любовь, которую вам вряд ли сможет дать кто-либо ещё. Разве это так плохо?

*Bouche de miel, coeur de fiel*¹, — подумала я.

— Диких птиц не утешит то, что их клетки сделаны из золота.

— Понимаю, — вздохнул граф, вроде бы действительно вполне понимающе. — Ну что ж, давайте рассмотрим следующий вариант. Вы отвергаете предложение Тома, надеясь на мифический брак по любви. Однако вероятность того, что вам посчастливится встретить человека, которого полюбите вы и который полюбит

¹ На языке мёда, а на сердце лёда (*фр.*).

вас, ничтожно мала, равно как и вероятность того, что ничто не помешает вам сочетаться законным браком. Зато вам будет обеспечено кое-что другое: презрение со стороны всех членов вашей семьи... да-да, всех. Поубавьте скептицизма во взгляде: ваш отец надеется на этот брак не менее вашей уважаемой матушки.

Спohватившись, я снова опустила глаза.

— Да, презрение, — явно смакуя это слово, повторил граф, — и, возможно, разрыв родственных связей. А также муки совести, которая до конца ваших дней будет неустанно напоминать вам о том, как вы одним неосторожным словом убили своего друга.

Не понимая, о чём он, я недоумённо повторила:

— Убили?..

— Молодые люди нынче так категоричны. — Граф пожал плечами: — Порой они предпочитают смерть жизни без любимой. О чём и пишут в своём дневнике, думая, что достаточно надёжно его спрятали... — Заметив, что я отстала, он обернулся: — Что с вами, мисс Лочестер? Вы будто поблeднели.

Я кое-как разомкнула пересохшие вдруг губы:

— Том этого не сделает.

— Романтические истории оказали пагубное влияние на его сознание. Вы наверняка помните, какое впечатление произвёл на него образ Вертера¹. Романтизм, повальное увлечение вашего времени... Вы, кажется, тоже его не избегли. Помнится, читали ему отрывки вслух...

— Том этого не сделает!

— Я бы на вашем месте хорошенько взвесил все за и против, Ребекка. На одной чаше весов — жизнь, о ко-

¹ «Страдания молодого Вертера» — роман Гёте, главный герой которого страдает от любви к замужней женщине, в результате чего кончает жизнь самоубийством.

торой многим дано только мечтать. На другой — ничего, кроме боли и унижения. И ради чего? Ради призрачной... *свободы*. — Граф резко отвернулся, взметнув полами сюртука; его тон ясно дал понять, сколь низко он оценивает последнее понятие. — В ваших руках возможность спасти две юные жизни — или погубить. Думаю, уже завтра Том повторит своё предложение, но сегодняшней день... Я дарю вам это время, мисс Лочестер, чтобы вы могли принять правильное решение.

Так и не найдя в себе сил двинуться с места, я молча смотрела в черноту его удаляющейся спины.

И найденные в карете силы сказать «нет», казалось, удалялись вместе с ним.

Я смутно помню, как меня отчитывали за побег из дома; как я сидела в гостиной, слушая Джона, распевającego душещипательную арию под фортепианный аккомпанемент Бланш; как, снова сославшись на головную боль, шла в свою спальню.

Я отправилась в гостиную, надеясь поговорить с Томом, но его там не было. Лорд Чейнз объявил, что его сын дурно себя чувствует. Значит, разговор откладывался до завтра, и я слабо представляла себе, каким он будет. Не начинать же беседу с вопроса: «Том, это правда, что, если я отвергну твоё предложение, ты покончишь с собой?»

Глупость какая. И почему, рассказывая мне это, лорд Чейнз был так спокоен? Он никогда не проявлял сильных эмоций, но речь идёт о жизни его сына! Возможно, это просто шантаж...

А возможно, и нет.

Я почти не спала: мало того, что вихрь лихорадочных мыслей всю ночь заставлял меня ворочаться с боку на бок, так ещё и ночную тьму периодически с грохотом

рассекали змеистые лезвия молний. Впрочем, в какой-то миг я всё-таки забылась сном.

Но из объятий Морфея меня вырвал крик отца:

— Ребекка, ты цела!

— Что? — Я рывком села в постели. — Отец, что случилось?

Не отвечая, он схватил дрожащими пальцами мою руку.

— Волк, — выдохнул он наконец. — И... Элиот.

— Элиот? Что с ним?!

— Мы нашли его во дворе. Дверь в холл была открыта. Видно, он зачем-то вышел из дому, и зверь...

— Он жив?

Отец не ответил — и я похолодела.

— Хорошо хоть ты цела, — тихо проговорил он.

— Но с чего мне должна была грозить опасность? Я же не выходила из дому!

Отец замаялся — а я вдруг увидела, что за порогом спальни толпятся домочадцы и даже некоторые гости, увлечённо разглядывающие дверь моей комнаты.

Поспешно накинув поверх ночной рубашки длинную шаль, я подошла ближе. Пригляделась к тому, на что устремлены были все взгляды.

И отчётливо различила на тёмном дереве следы клыков и когтей кого-то, кто очень хотел прорваться внутрь.

Глава шестая,

в которой заключается договор

Я так и не увидела тела Элиота: его увезли из особняка прежде, чем меня выпустили из комнаты. Даже кровь отмыли до того, как я вышла во двор. Ничто не намекало на ночную трагедию; матушка считала, что смерть старого конюха — не то событие, из-за которого стоит портить грядущий праздник Бланш, не говоря уж о том, чтобы отменить его. Впрочем, за завтраком гости всё равно были несколько подавлены, а после завтрака отец следом за телом Элиота уехал в деревню, что расстилалась меж холмов близ Грейфилда: ни семьи, ни родных у покойного не было, и отец поехал отдать необходимые распоряжения и оплатить похороны на деревенском кладбище. Я же, в задумчивости кусая губы, поднялась в свою комнату.

Я любила старика Элиота. Я помнила его столько же, сколько помню себя. И всё, что я видела, наводило меня лишь на одну мысль.

Его не мог убить обычный волк. Обычный волк не мог открыть дверцу крольчатника. Обычный волк не стал бы после убийства заходить в особняк и бежать по лестнице, чтобы подняться к моей комнате.

Однако отец, конечно, не прислушался к моим догадкам.

«Ребекка, оборотней истребили уже давно. Они остались только в сказках, — ответил он печально; казалось, лишь он один, помимо меня, искренне грустил по бедному Элиоту. — И нечисть в наших краях тоже век как перевелась, хвала Инквизиции. Впрочем, может, это и был какой-нибудь бист вилах, забредший к нам из дальних краёв... я скажу об этом стражникам. Впрочем, они осмотрят тело и сами сделают вывод, что за тварь извела нашего верного старика».

Что ж, это и правда мог быть бист вилах. В детстве мы читали про них с Томом: о страшных чудищах, похожих на громадных собак, издававших жуткие вопли, подобные вою волков. Когда-то бист вилахи охотились на людей долгими тёмными ночами, нападая на неосторожных путников, раздирая им животы и высасывая из них кровь. Если же им не удавалось найти добычу на улице, они принимали облик одноногого калеки и напрашивались на ночлег к добрым людям, чтобы устроить в их доме свой кровавый пир.

Но всё-таки...

Я открыла ящик стола, в котором хранила письма. Достала самое верхнее: последнее, которое получила от Рэйчел вместе с книгой мистера Белла. В нём подруга, помимо всего прочего, извещала о том, что она с радостью приняла приглашение на свадьбу Бланш и, конечно, приедет в Грейфилд. До её визита оставалось около двух недель, и это весьма радовало меня.

Однако сейчас меня интересовало не это.

Отложив несколько листов, я скользнула взглядом по ровным чернильным строчкам: у Рэйчел всегда был прекрасный почерк.

«...в газете я прочла, что в одном из пригородов Лан-дэна свирепствовали вампиры. Их было трое, и они успели убить многих бедных людей, прежде чем этих

несчастливых наконец упокоили навеки. Также Инквизиторы арестовали тёмного мага, который призвал в наш мир фомора, и, представь себе, убили бааван ши! А ведь считалось, что они покинули эти земли ещё три сотни лет назад! Как жаль, что тебя нет рядом, дабы обсудить всё всласть... Это так похоже на наши любимые истории, тем более удивительные, что случились наяву, а не в чьих-то фантазиях. Ах, дорогая Ребекка, как мне тебя не хватает! Ты единственная, кто в полной мере разделяет все мои вкусы и увлечения. Большая часть моих знакомых, услышав, что я люблю читать подобное, поглядит на меня с ужасом и...»

Дальше перечитывать я не стала, тихо вернув письмо обратно на место.

Я помнила легенды о бааван ши, мистических созданиях, которых некогда мог встретить любой. Себе на беду. Бааван ши были феиры — но, в отличие от многих своих сородичей, мирно живших бок о бок с людьми, злобными и кровожадными. Они перемещались по воздуху в облике чёрных ворон, однако мужчинам являлись под видом прекрасных златокудрых дев... чтобы, очаровав, выпить из них всю кровь, оставив лишь безжизненное тело, истерзанное и иссохшее.

Считалось, что бааван ши давно покинули земли смертных, навеки уйдя на Эмайн Аблах¹, как и многие другие представители Дивного Народа. И, как видно, считалось напрасно.

Так, может, и оборотней напрасно считают истреблёнными?..

Я взяла недочитанную книгу мистера Белла, которую сегодня утром обнаружила лежащей на столике в хол-

¹ Кельтское название Авалона.

ле. Вчера, убегая, я оставила её в саду и была весьма благодарна тому, кто вернул её в дом.

Я много читала об оборотнях. Воистину несчастные создания. В облике людей они могли быть добрейшими и безобиднейшими существами, однако, обрстая волчьей шкурой, не щадили никого. Перевоплощались оборотни помимо своей воли. Всегда — в полнолуние, иногда — простыми ночами, под воздействием каких-то сильных эмоций; но когда восходила полная луна, оборотни обречены были провести всё время от заката до рассвета на четырёх когтистых лапах. Очнувшись утром, человек не помнил, что творил в обличье зверя: обращаясь в волка, он фактически терял память. Впрочем, некие людские воспоминания и чувства у зверя всё-таки оставались... но оборотень легко мог растерзать любимую жену, ибо волка всегда мучила нестерпимая жажда крови, а страсть приравнивалась для него к голоду. Проклятие передавалось людям с укусом, и лекарства от него не было.

Мы с Томом читали леденящие кровь истории, в которых оборотни пытались жить бок о бок с простыми смертными и заводить семьи. В полнолуние родные заковывали их в цепи и запирали в комнате с прочными засовами, однако это не помогало: оборотни всё же не были простыми волками, и с течением лет ум их звериного обличья всё больше приближался к человеческому, а сверхъестественной силы становилось достаточно, чтобы они могли перекусить даже сталь. Кроме того, оборотень мог обратиться и обычной ночью, в приступе гнева, отчаяния или вожделения. Их волчий облик практически не поддавался обычному оружию и магическому воздействию, и никакие средства и никакие чары не способны были выявить оборотня в человеческой ипостаси. Всё это неизбежно приводило к траге-

диям, а посему в конце концов Инквизиция объявила всех оборотней подлежащими истреблению, и вскоре они действительно перевелись.

Если верить тому, что мне говорили и говорят.

Я рассеянно открыла книгу, пытаюсь найти место, на котором остановилась вчера.

Если Элиота и правда убил оборотень, то кто он? Учитывая, что зверь пытался прорваться в мою спальню... После вчерашнего впору было бы подумать, что это Том, особенно вспоминая его «плохое самочувствие» вечером и угрюмое молчание за завтраком. Если подумать ещё раз — эта мысль абсурдна: вряд ли его внезапное становление оборотнем осталось бы для меня незамеченным. К тому же Тома я знаю почти всю жизнь, а вот загадочные убийства начались только сейчас.

Куда вероятнее то, что в смерти Элиота виновен кто-то другой. Кто-то, кто появился в наших краях совсем недавно. Кто-то, кто ночевал в Грейфилде той ночью, когда погибли наши кролики, и явно очень заинтересовался мной.

Кто-то, кто удивительным образом ладит с волками.

Наконец обнаружив нужную страницу, я осторожно разгладила её рукой, расправляя книгу, норовившую закрыться.

Мистер Гэбриэл Форбиден. Таинственный сосед, контрабандист и хозяин ручного волка. Мой духовный родственник. Человек, который понимает меня, как никто и никогда не понимал; человек, о котором со дня нашего знакомства я думаю и вспоминаю nepозволительно часто.

Кто же он на самом деле? Я не знала, но вдруг поняла, что очень хочу узнать.

Поскольку эта мысль не могла привести ни к чему хорошему, я углубилась в чтение, постаравшись забыть о ней.

Кто знает, быть может, Элиот действительно пал жертвой приبلудного бист вилаха. Во всяком случае, окажись это так, всё было бы куда проще для всех. И думать, что это так, куда безопаснее.

В первую очередь — для меня самой.

Весь день я просидела в комнате за чтением. Когда меня позвали есть, я ответила, что не хочу. Настаивать на моём присутствии не стали: с уважением отнеслись к моей печали по Элиоту. Книга, оказавшаяся крайне увлекательной, помогла мне отвлечься, забыться и обрести относительный душевный покой, и к вечеру я уже прочла её от корки до корки. Тогда я всё же отперла дверь и спустилась в сад, устремившись к своему любимому старому раскидистому вязу, размышляя о прочитанном.

Но на полпути меня окликнули:

— Ребекка...

Я остановилась. Обернулась, настороженно глядя, как приближается Том.

Я не знала, ни как относиться к нему, ни как вести себя с ним после вчерашнего. До сего момента мне казалось, что я никогда больше не испытаю симпатии при взгляде на него.

Но то, что я почувствовала, когда увидела его лицо, на котором лежала печать усталой печали, было далёким от неприязни.

Том замер в шаге от меня, пристально глядя в мои глаза. Приложив ладонь к сердцу, склонил голову.

— Прости меня, — тихо произнёс мой друг. — То, что случилось вчера, не повторится вновь. Я больше никогда не сделаю того, что противно твоей воле.

Я только кивнула, прежде чем отвернуться. Чувствуя, как стремительно тает лёд, сковавший моё сердце вчера.

Всё же во мне было слишком много чувств к Тому, чтобы я могла запросто их перечеркнуть. Пускай эти чувства не были романтическими, но они были.

Я направилась вперёд, и Том молча зашагал рядом: к вязу, под которым мы так часто резвились, когда были детьми.

— Ты оставила книгу вчера в саду, — сказал он внезапно. — Я читал её... чтобы отвлечься.

— Так это ты вернул её в дом?

— Да.

— Благодарю. Было бы жаль, если бы ливень промочил её. — Я искоса поглядела на него. — И что думаешь о прочитанном?

— Написано весьма талантливо. Автор умело поиграл с традициями готического романа, но вместе с тем родил нечто новое. И, готов поспорить, тебя покорила главный герой.

— Почему?

— Он понравился даже мне, и я ещё не забыл о нашей общей любви к Чайльд-Гарольду и Конраду¹.

— Да, — помедлив, сказала я. — Мне понравился мистер Рочестер.

— А что ты думаешь о Джейн?

Я помолчала, глядя на раскидистую крону вяза, нижними ветками почти достающую до земли; в золотых лучах вечернего солнца его весенняя листва казалась выточенной из хризолита.

Мне самой непросто было определиться с ответом на этот вопрос.

— Она... сильная личность, — промолвила я наконец. — С одной стороны, она восхитила меня. Она

¹ Герои поэм лорда Байрона: Чайльд-Гарольд — «Паломничества Чайльд-Гарольда», Конрад — «Корсар».

часто высказывала мысли и идеалы, близкие мне. Но в одном я не согласна с ней.

— В чём же?

— Она отвернулась от того, для кого была спасением, светом в ночи, надеждой на возрождение. Мистер Рочестер любил её всем сердцем, однако она поставила свои принципы и свою гордость выше него. Он был несчастным человеком, которого обманули ещё неопытной мальчишкой, тем самым порушив всю его жизнь. Я вижу его куда более благородным, чем он сам о себе думает. Другой на его месте собственноручно убил бы сумасшедшую фурию, которую называли его женой, только чтобы освободиться от неё. Это было не так и трудно, в её-то состоянии: столкнуть её с лестницы и представить всё несчастным случаем. Он же позволял ей отравлять свою жизнь...

— Даже в минуты самого горького отчаяния желая застрелить себя, но не её, — закончил Том мою фразу.

— Даже в том пожаре, который в итоге уничтожил их проклятый дом, кинувшись её спасать, — подхватила я.

Том кивал, и я знала: он полностью понимает, что я говорю и, более того, что думаю. Как у нас часто бывало прежде.

— Оставшись с ним при живой жене, Джейн даже не пришлось бы переступать через осуждение тех, чьим мнением она дорожит, или осуждение общества, — продолжила я. Мы наконец вступили под сень вяза, и я остановилась у его шершавого ствола. — Но страх перед осуждением богов, запрещающих двоежёнство, и собственная драгоценная честь для неё перевесили любовь.

— Однако в конечном счёте она осталась с ним. Она вернулась к нему, когда он потерял всё, и приняла его таким, от которого многие на её месте отвернулись бы.

— Осталась с ним? Ха! Конечно, осталась! Милости-во осталась, когда ничто уже не ставило под удар её принципы и её гордость! — Распаляясь всё больше, я наматывала круги под шелестящей листвой, оживлённо жестикулируя. — Ей претило жить в беззаконии с тем, кто выше её, но понравилось ощущать себя благодетельницей при беспомощном калеке, благородной и великодушной мученицей! Разве не она косвенным образом была повинна в несчастье, постигшем его? Разве это не было меньшим, чем она могла отплатить за его доброту, за его любовь и за тот свой побег? Если бы она тогда осталась, а не сбежала, если б уехала с ним туда, куда он предлагал... Разве клятва, которую мы приносим, вступая в брак, которую даём тому, кого любим, не обещает быть рядом с ним в болезни и радости, горе и здравии? И что такое осуждение всего мира против боли того, кого любишь? Она отреклась от себя и своей любви ради своей веры, но это ли подвиг самоотречения? Для меня подвигом было бы, если б она презрела всё, включая веру и гордость, ради спасения ближнего своего, ради того, кто так в ней нуждался! Я никогда не бросила бы друга — даже просто друга — наедине с его горем, во власти тоски и безнадёжности, никогда!

Задышавшись, наконец перевела дыхание... и только тут заметила странное, почти заврожённное внимание, с которым Том слушал меня.

— Ты говоришь с такой страстью, — промолвил он задумчиво. — Похоже, ты очень отчётливо представила себя на её месте.

Осознав, что последние слова я почти прокричала, я мигом взяла себя в руки.

— Что является ещё одним неоспоримым достоинством книги, — заметила я уже сдержанно. — И да, я признаю, что могу быть неправа. В конце концов,

я юна, мало знаю жизнь и, к счастью, никогда не была в столь щекотливой ситуации. Надеюсь, что и не буду.

Том покачал головой, с улыбкой, внезапно коснувшейся его губ, разом развеявшей тень печали на его лице.

— Я знаю тебя столько лет, но тебе до сих пор удаётся меня поражать, Ребекка. — В его голосе послышалась такая нежность, что у меня защемило сердце. — Ни законы людей, ни законы богов для тебя, по большому счёту, ничего не значат, верно? Ты и предрассудки — вещи абсолютно противоположные.

Я растерянно молчала, не зная, что ответить... но Том рассмеялся, разом разрядив обстановку.

— Услышь кто угодно подобные рассуждения... особенно ту часть, что касается лестницы, и особенно — твоя матушка... она схватилась бы за сердце и навсегда запретила тебе читать, — весело заметил он.

— Ты недооцениваешь мою мать, — фыркнула я. — Она решила бы, что моё сердце уже безнадёжно черно, и отправила бы меня послушницей в храм Садб¹, дабы хоть там его очистили непрерывными молитвами и ореолом божественной святости.

— Да, пожалуй. Но именно за то, что так пугает её, я... Ты так дорога мне. — Приложив ладонь к древесному стволу, Том отвернулся. — Я видел немало девушек. В Ландэне многие блестящие леди пытались пристроить своих дочерей за наследника графа Кэрноу, и ни одна из них не сравнится с тобой. С твоей дерзостью, независимостью, умом. Я люблю дикий вереск, но не бледные тепличные розы. И лишь вереск, дикий и прекрасный, сделает меня счастливым в полной мере. — Когда он вновь взглянул на меня, улыбка уже ушла

¹ Богиня в ирландской мифологии, олицетворяющая кротость и красоту.

с его губ, а в глаза вернулась печаль. — Ты сказала, что не бросила бы друга наедине с его тоской. Значит, ты осталась бы с тем, кто нуждается в тебе как в воздухе? С тем, кто не сможет без тебя жить?

Я вспомнила вчерашний разговор с графом, чувствуя, как ушедшее было напряжение вновь разливается в воздухе.

— *Il n'y a pas de roses sans épines*¹, — произнесла я, стараясь говорить как можно мягче. — Розы тоже прекрасны, Том. Быть может, ты просто не хочешь разглядеть...

— Ребекка. — Шагнув вперёд, друг взял мои руки в свои. — Я знаю, что ты не любишь меня. Но клянусь: если ты станешь моей, я сделаю всё, чтобы ты меня полюбила. Твои капризы станут для меня законом, твои желания — моими желаниями. Я не буду неволить тебя ни в чём. И если ты поймёшь, что я противен тебе... я дам тебе свободу. Либо развод, либо возможность жить в браке, как ты хочешь. С кем ты хочешь. Клянусь.

Я не отстранилась. И не отняла рук. Наверное, потому что на сей раз в его взгляде была печаль, но не страсть, а на лицо печатью обречённости легла странная тень. Тень, позволившая мне отчётливо понять: то, что говорил лорд Чейнз, действительно может быть правдой. И если это правда, я не могу отказать.

Ведь я действительно никогда не смогу бросить друга, поставив себя выше его, обрекая его на погибель.

— Наши родители хотят, чтобы мы поженились в один день с Бланш и Джоном, — произнёс Том неожиданно. — Через месяц.

— Ну да. Как удобно. Даже список приглашённых менять не придётся, — пробормотала я. — И никто не скажет, что младшая дочь не дождалась своей очереди.

¹ Нет розы без шипов (*фр.*).

— Сейчас мы можем пойти к ним. И сказать, что ты согласна на моё предложение. — Заметив мой возмущённый взгляд, Том успокаивающе вскинул руку: — Это облегчит жизнь и тебе, и мне. Иначе, боюсь, твоя матушка вполне способна подстроить некую ситуацию, которая скомпрометирует нас обоих так, что нам не останется иного выбора, кроме как пожениться. Она уже поговаривала об этом. О том, что случилось вчера, я не рассказал никому, кроме отца: не из трусости, а из-за понимания, что этим я отрежу тебе все пути к отступлению. Я не хочу этого, не хочу волочь тебя под венец лишь потому, что у тебя не осталось выбора. Но я оставляю тебе этот месяц на то, чтобы понять, чего хочешь ты. Если в какой-то момент ты поймёшь, что ни при каких обстоятельствах не желаешь быть моей женой, и скажешь мне об этом, мы разорвём помолвку. Твоя репутация останется безупречно чиста, обещаю. Тебе не нужно будет объяснять мне, почему ты не хочешь, чтобы эта свадьба состоялась. Хватит одного твоего слова «нет». В конце концов, ты ведь не говорила мне «да». — Он крепче сжал мои пальцы. — Хорошо?

Если б на его месте был кто-то другой, я решила бы, что меня обманывают. Что меня завлекают в шёлковые сети, которые в нужный момент обернутся стальным капканом. Что меня приманивают мурлыканьем ласковой кошки, которая без колебаний выпустит когти, когда это понадобится.

Но это был Том. Милый, добрый мальчик, которого я знала почти так же, как себя. Мальчик, который никогда не умел лукавить и лгать. Тем более мне.

Если б на его месте был кто угодно другой, я, не колеблясь, сказала бы «нет». Но это был он, мой старый добрый друг, — а мне требовалось время, чтобы понять, действительно ли он нуждается во мне так, как гово-

рил его отец и как кажется мне. И я не хотела своим неосторожным «нет» сейчас подписать ему приговор.

Поэтому, судорожно выдохнув, я коротко ответила:
— Хорошо.

Казалось, его глаза вспыхнули изнутри. Таким чистым, лучезарным светом, что мне стало стыдно за все свои подозрения.

Порывисто склонив голову, Том коснулся губами моих волос. Отстранился — в тот же миг, когда я ощутила, как сбивается его дыхание и как становятся стальными пальцы, сжимающие мои ладони; глядя в его глаза, вновь почерневшие, я видела, какого труда ему стоило отстраниться. Понимала, чего ему стоило поцеловать мои волосы — всего лишь волосы, — не повторяя вчерашнего.

Мне вдруг стало интересно, что сказал бы по поводу всего этого мистер Форбиден.

И, понимая, что это совсем не та мысль, которая подобает чужой невесте, смущённо подала руку Тому, готовому вести меня обратно к дому.

— Идём, — сказал он лукавым голосом мальчишки, с которым когда-то мы носились наперегонки под тем самым вязом, где теперь объяснились в нелюбви. — Обрадуем твою матушку счастливым известием, что больше ей нет нужды расставлять ловушку собственной дочери.

Глава седьмая, *в которой мы наблюдаем свидание на кладбище*

На следующий день, срезав ветку с ивы в саду, я отправилась в деревню, на могилу Элиота.

Заклучение стражи было быстрым и гласило, что покойного убил крупный волк. На похороны я не успела: матушка была против того, чтобы я ехала куда-либо — вот ещё придумала, портить себе настроение, когда надо готовиться к вечернему балу в Грейфилде! — но отец решительно пресёк её возражения. Та уступила и даже не особо ворчала. Похоже, вчерашний разговор с Томом действительно её умилоствил.

Конечно, непутёвая дочь ведь оказалась не так безнадёжна, как она думала.

Кладбище располагалось за околицей деревни, некогда названной Хэйл, неподалёку от храма Великой Богини. Мне пришлось немало поплутать между мшистых покосившихся памятников, чтобы найти свежую могилу. Небольшой курган из камней высился подле самой кладбищенской ограды, за которой расстилались вересковые поля вокруг Хэйла, рядом с памятником, украшенным короткой надписью: имя Элиота, годы жизни и подпись: «Верный и преданный слуга». Буквы обрамлял орнамент из листьев бузины, символа смер-

ти и нового рождения, а на кургане лежали ветви ивы, первого дерева творения, и листья плюща.

Мне с детства казалось забавным и немного жутким, что плющ украшал как похороны, так и свадьбы. Всегда зелёный, он символизировал бессмертие природы и человеческой души и одновременно — вечную любовь.

Возложив свою ветку на грубые серые камни, я сомкнула опущенные руки, молча глядя на надгробие.

Возможно, всё дело было в том, что я не видела тела Элиота, — но мне трудно было поверить в его смерть. Казалось, старый конюх уехал куда-то, а этот камень с его именем — простой памятник, напоминающий о том, что он когда-то жил в этих краях.

Что ж, в каком-то смысле он действительно уехал.

Путь до потустороннего мира недолгий, но неблизкий.
— А, мисс Лочестер!

Вздвогнув, я подняла голову.

Неторопливо подъезжая к ограде со стороны полей, под серым небом, вновь грозившим надвигающимся дождём, мистер Форбиден смотрел на меня с насмешкой и любопытством. Чёрная лента в его волосах вилась на ветру, не по-весеннему холодном.

— Кого навещаете? — осадив коня, осведомился он.

— Элиота. Наш конюх. — Я слотнула ком, внезапно приглушивший мой голос. — Он умер... вчера.

Мистер Форбиден, спрыгнув наземь, похлопал коня по боку. Спокойно перешагнув через низкую ограду, сложенную из неотёсанных булыжников, встал рядом со мной.

Рассеянно поигрывая хлыстом в руке, посмотрел на памятник.

— Соболезную, — сказал он просто.

Сморгнув так и не пролившиеся слёзы, я искоса посмотрела на него. Ни во взгляде, ни в лице, ни в голосе

«корсара» не было насмешки: зрелище, которое я видела, наверное, впервые.

Что он здесь делает? Просто ехал мимо, направляясь в Хэйл? Или сделал то, о чём я не раз читала: поддался частому желанию убийцы навестить могилу собственной жертвы?

— Как вы? — помолчав, осведомился мистер Форбиден. — Поздравить вас с тем, что вы успешно увеличили свои шансы остаться старой девой, или посочувствовать по поводу скорой свадьбы?

Привычные язвительные нотки, вновь скользнувшие в его интонации, почти успокоили меня — в отличие от их исчезновения до того.

Я не ответила. И не столько потому, что мне казалось неприличным вести подобные разговоры над могилой Элиота — я предпочитала думать о Томе и нашей мнимой помолвке, нежели о том, что лежит под камнями передо мной, — сколько ввиду ожидаемой реакции на правдивый ответ.

Но он, конечно же, угадал этот ответ и без моей помощи.

— Второе, судя по вашему виду и молчанию, — безжалостно заключил мистер Форбиден. — Значит, вас всё же подкупили. Прискорбно. Позвольте угадать: трагические намёки на то, что без вас счастливый жених не сможет жить? Обещания, что даже в браке вас ни в чём не будут неволить и дадут развод по первому требованию?

Я изумлённо посмотрела на него:

— Вы...

— Откуда я это знаю, хотите спросить? — Он иронично подпёр подбородок рукоятью хлыста. — Если б мне захотелось расставить силок дикой птичке вроде вас, я говорил бы ровно то же самое.

Я опустила голову, вспоминая мысли, посетившие меня во время вчерашнего разговора с Томом.

Смешно, но когда я думала, что сказал бы о моём согласии мистер Форбиден, я предполагала именно это. Ведь то же самое твердил мне мой собственный разум.

Нет, я не должна сомневаться в Томе. Сомневаться в друзьях — предавать не только их, но и себя.

— Ваш отец заезжал ко мне вчера. Благодарил за то, что я спас вас от ливня и помог доставить домой, — не дождавшись моего ответа, отвлечённо заметил хозяин Хепберн-парка. Краем глаза я видела, как его конь смиренно жуёт что-то за оградой. — Славный человек. Наверное, мне было бы стыдно его обманывать, не считай я ложь во спасение безусловным благом, которого не стоит стыдиться. Но, боюсь, теперь мне всё же не отвертеться от ужина.

— Праздничного, полагаю?

— Да, я почти своим присутствием сегодняшней бал в Грейфилде. Воспользуюсь прекрасной возможностью познакомиться со всеми дражайшими соседями разом. Надеюсь, не слишком испорчу тем самым праздник вашей сестрице... Судя по тому, что рассказывал ваш отец, её последний день рождения под родным кровом постараются сделать незабываемым.

— Мы даём балы каждый год, — зачем-то заметила я, не зная, правильно ли истолковала его слова, но сочтя за нужное опровергнуть намёк, который мог в них прозвучать. — Наш доход не так скромн, чтобы мы не могли себе этого позволить.

— Рад это слышать, — невозмутимо откликнулся «корсар». — Уверен, жизнь без них казалась бы вашей сестре совсем невыносимой. Надеюсь, её избранник привезёт её в Ландэн. Она немало позабавит тамошних дам своим провинциальным шармом.

— Если вы так презираете провинцию, мистер Форбиден, зачем же вы купили Хепберн-парк?

Это было до безобразия непристойно, но я чувствовала, что моя грусть развеивается, уступая место уже знакомому веселью.

Мы стояли над могилой человека, чья смерть глубоко меня опечалила: я, которую этим вечером во всеуслышание нарекут невестой лорда, и чужак, сыпавший в адрес моих родных остротами, неподобающими джентльмену. Чужак, которого я подозревала в странных и страшных вещах, чужак, который мог быть повинен в смерти Элиота. Однако каждая наша встреча, каждое его слово заставляли меня чувствовать себя так, будто в затхлый склеп, которым пытались обернуть мою жизнь, ворвался свежий ветер, пьянящий нотками морского бриза.

Аромат свободы.

— Презираю? Отнюдь. В определённых обстоятельствах приятно насладиться чистыми, незамутнёнными вещами, как раз такими, как местные пейзажи или чей-то девственный ум. Да и истинные сокровища, неожиданно обнаруженные там, где ты не думал их найти, радуют вдвойне. — Он с улыбкой легонько ударил хлыстом по своей ладони, снова скрытой чёрной перчаткой. — Зато вы, полагаю, с большой радостью променяли бы все танцы на компанию ещё одной интересной книги, и общество вашего коня да ветра в поле вам предпочтительнее того блестящего собрания, что предстоит сегодня.

— Почему вы так думаете? — спросила я, уже не удивляясь его безусловной правоте.

— Ибо я предпочёл бы его же. Боги, к их чести, сотворили коней так, что от тех не услышишь ни глупостей, ни фальшивых любезностей. Жаль, что их предусмотрительности не хватило на подобную щедрость по отношению к людям.

Несмотря на все попытки сохранить внешнюю невозмутимость, уголки моих губ всё-таки дрогнули в предательском намёке на сдерживаемый смех.

— Боюсь, мистер Форбиден, тогда бы вы лишились сейчас и возможности, и повода излить свой яд в беседе, после и ради которой я готова вытерпеть куда более скучные разговоры, предстоящие мне сегодня вечером.

Хлыст застыл в мужской руке — и, глядя на меня, хозяин Хепберн-парка сжал в пальцах чёрную кожаную бляшку на его конце. Чуть сощурился.

— А вас, гляжу, мой яд скорее привлекает, чем отпугивает, — бесстрастно проговорил он.

От выражения его разноцветных глаз моя улыбка погасла, а веселье растворилось во внезапном, непонятно с чего зародившемся волнении. Мне нестерпимо захотелось отвести взгляд — но я не отвела, несмотря на жар, вдруг приливший к щекам. Наверное, больше из упрямства, чем из чего-либо ещё.

Пару секунд мы смотрели друг на друга. Затем мистер Форбиден воздел палец к небу: не то назидательным, не то предостерегающим жестом.

— Осторожнее, мисс Лочестер. — Он резко опустил хлыст, и его мягкий голос окрасили странные низкие нотки. — Аромат ядовитых цветов пьянит, однако, если чересчур ими увлечься, последствия будут плачевны. — Отвернув голову, он кивнул на могилу; когда перекрестье наших взглядов разорвалось, я испытала странную смесь облегчения и разочарования. — Так что стряслось с бедным стариком?

Вопрос резко меня отрезвил.

— На него напал волк, — медленно произнесла я, пытливо вглядываясь в лицо собеседника, стараясь уловить в нём подозрительную перемену.

Он вскинул бровь:

— Волк?

В этом движении не читалось ничего, кроме вежливого удивления.

Впрочем, если бы он, будучи оборотнем, не умел притворяться, Инквизиция явилась бы по его душу давным-давно.

— Да, — подтвердила я. — Большой волк.

Глядя на могилу, мистер Форбиден коснулся хлыстом надгробия.

— Как удивительна и внезапна жизнь, не правда ли, мисс Лочестер? — отстранённо молвил он. — Ещё совсем недавно этот старый добрый мальй дышал и, полагаю, даже не думал умирать, а сегодня лежит тут и, вероятно, немало веселит богов удивлением по поводу данного факта. Люди такие смешные в своём вечном наивном эгоцентризме. — Концом хлыста он обвёл один из бузиновых листьев, высеченных на камне. — Вы ни разу не пытались представить мир, в котором нет и никогда не было вас?

Вопрос был неожиданным и внезапным. Таким внезапным, что я почти помимо воли тут же попыталась это вообразить. Что я никогда не рождалась, что сейчас меня нет там, где я стою, — а между тем всё идёт своим чередом: солнце, вставшее утром, пробивает сквозь тучи свой угрюмый свинцовый свет, ветер ластится меж могил, оглаживая серебристые листья ивы, а мой собеседник смотрит на существующую вместо меня пустоту.

У меня получилось всего на один миг.

Ощущение было настолько странным, что у меня закружилась голова.

— Любопытный опыт. — Конечно, мистер Форбиден наблюдал за мной, и моя попытка не укрылась от его пугающей пронизательности. — В сравнении с масштабами Вселенной люди немногим больше бабочек-одно-

дневок, однако в своих головах они — её неизменный центр. Весь мир вертится вокруг них, солнце и луна сопровождают их по небосводу. В нас природой заложено поразительное самомнение, наше сознание устроено абсолютно эгоцентрично, но гордыню почему-то считают грехом. — Он пожал плечами: — Забавно, что ни говори.

Я задумчиво изучала взглядом его профиль: высокий чистый лоб, который редкими параллельными ниточками прорезали морщины, ироничный излом тёмных бровей, тонкий нос, самую капельку загнутый книзу, заставляющий вспомнить о хищных птицах. Морщины легли и вокруг этого носа, прочертив на лице две глубокие складки, убегавшие вниз к уголкам губ, и у разноцветных глаз, спрятавшись там тонкой сеточкой. Это было лицо человека, который действительно повидал очень и очень многое, и большая часть этого «многого» была тем, что не могло не оставить после себя хмурый морщинистый след.

Удивительно. Он не был молод. И совсем не походил ни на благородного рыцаря, ни на прекрасных принцев из сказок.

Тогда почему он кажется мне привлекательнее всех мужчин, что я видела в жизни, включая Тома, которого проще простого представить на белом коне, в золотой короне и сияющих доспехах?

— Вы совсем не любите людей, мистер Форбиден? — колко осведомилась я, отвлекаясь от странных смущающих мыслей.

— Скажем так: не дай боги, чтобы люди относились ко мне так же, как я к ним. *Quod ab initio vitiosum est, tractu temporis convalescere non potest*¹.

¹ Что порочно с самого начала, не может быть исправлено с течением времени (лат.).

— *Sua cuique sunt vitia. Animus superiora capessat necesse est*¹, — парировала я. — Жить мизантропом, должно быть, тяжело.

— Не тяжелее, чем юной свободолюбивой максималисткой с головой на плечах, да к тому же весьма привлекательной. — Не глядя на меня, мистер Форбиден усмехнулся: — Сделав вас своей любимицей, ваш отец оказал вам дурную услугу. Он воспитывал вас так же, как воспитывал бы сына, с небольшими поправками на то, что вы всё-таки девочка. В итоге он сделал вашу жизнь куда сложнее, чем если б был к вам столь же равнодушен, сколь к вашей сестрице. Позвольте угадать: с его тайного позволения вы с детства таскали у него газеты, а из библиотеки — «мужественную литературу» вроде Шекспира? Читали запретные для хрупких трепетных дев новости о политике, скандальных разводах и кровавых убийствах, проливали слёзы над историей Ромео и Джульетты?

— Нет. Не проливала, — произнесла я. Даже не комментируя остальное, испытывая забавное удовлетворение от того, что он ошибся хоть в чём-то. — Я плакала о судьбе короля Лира, мне было жаль Макбета, но Ромео и Джульетта оставили меня равнодушной.

Это заставило его снова взглянуть на меня:

— Почему же?

— Я считаю, им повезло, что их история закончилась именно так. Лишь благодаря печальному концу она останется в людской памяти великой историей любви. Если б ничто не мешало им быть вместе... — Я рассеянно повела рукой, пытаясь не выказывать волнения, снова охватившего меня под его пристальным

¹ У каждого свои недостатки. Дух неизменно стремится к высотам (*лат.*).

взглядом. — Ромео был ветреным юношей. На тот бал, где они повстречались с Джульеттой, он пришёл, будучи влюблённым в другую девушку, но мигом позабыл о ней, увидев новое хорошенькое личико. Заполучив Джульетту в законные супруги, очень скоро Ромео остыл бы и к ней, и вместо трагической поэмы о несчастных влюблённых мы получили бы весьма некрасивую историю о бедной жене гуляющего повесы.

Он расхохотался, запрокинув голову, но не отводя глаз.

— Вы уверены, что вашей достопочтенной матушке вас не подкинули? Фоморски забавно слышать подобные рассуждения из уст дочери кого-то вроде неё. — Даже когда мистер Форбиден перестал смеяться, широкая улыбка не исчезла с его губ. — Значит, история влюблённых голубков не вызвала у вас особых переживаний, но вы сочувствовали предателю и убийце Макбету?

— Ромео тоже убивал. А Макбет — несчастный человек. Он попался в ловушку пророчества и собственной жены, которая была куда более алчной и властолюбивой, чем её супруг. При других обстоятельствах он мог остаться верным подданным и блестящим полководцем, прославившим своё имя в веках, а не запятнавшим его.

— Как интересно. — Наконец выпустив меня из незримых пут своего взгляда, мистер Форбиден отвернулся, с улыбкой посмотрев на дорогу, по которой к Хэйлу стремительно приближался всадник на каурой лошади. — А что же вы скажете...

Вопрос неожиданно оборвался.

В следующий миг мой собеседник стремительно крутанулся на каблуках, развернувшись прочь от дороги. Я недоумённо посмотрела на него, пытаясь понять

причину и этого действия, и его внезапного молчания. Смутно подозревая, в чём она может крыться, внимательнее присмотрелась к всаднику, который уже скакал мимо кладбищенской ограды.

Характерный чёрный плащ из плотного сукна — с длинными рукавами, узким стоячим воротником и отсутствием каких-либо украшений — был более чем узнаваем.

Я озадаченно следила, как незнакомый служитель Инквизиции, прорысив мимо храма, въезжает в Хэйл, чтобы исчезнуть за поворотом деревенской улочки. Вновь посмотрела на мистера Форбидена, который обернулся через плечо, вместе со мной провожая приезжего взглядом.

Недобрым, тяжёлым, почти пугающим взглядом.

— Служитель великого ордена в этом милом местечке, — протянул хозяин Хепберн-парка. — Как интересно.

Я жала в пальцах тонкую ткань юбки, лихорадочно соображая, что может означать подобная реакция.

Инквизиция уже века хранила наши земли от тёмных сил. В неё входили Охотники, разбиравшиеся со всяческой нечистью, и непосредственно Инквизиторы, охотившиеся на магов-отступников. Форму они носили одну и ту же, но если Охотники всегда были магами, то Инквизиторы — нет: противомagicеское оружие мог использовать лишь тот, кто сам не владел магическим даром.

Я не знала, кто сейчас проехал мимо нас, Инквизитор или Охотник.

Но если кто-то стремится скрыть своё лицо от служителя Инквизиции, это в любом случае говорит о многом.

— Вы имеете что-то против Инквизиции, мистер Форбиден? — невинно осведомилась я.

— Мне посчастливилось некогда иметь с ней слишком близкое знакомство. — Хозяин Хепберн-парка коротко поклонился: — Прошу меня простить, мисс Лочестер, но, пожалуй, продолжим беседу в другой раз. И мне, и вам пора готовиться к нашей вечерней танцевальной попытке.

Я наблюдала за тем, как он, вновь перешагнув через кладбищенскую ограду, ловко вспрыгивает на коня.

— Вы хорошо танцуете, мистер Форбиден? — подчиняясь какому-то азартному порыву, задорно спросила я.

Он развернул в мою сторону коня, уже нетерпеливо рывшего землю копытом: животному явно надоело ждать, пока хозяин соизволит продолжить путь.

Лёгкое удивление в разноцветных глазах было для меня лучшим подарком.

— Если хорошо, не танцуйте, — улыбаясь, продолжила я. — Рискуете изменить к лучшему мнение местных дам о вашей скромной персоне и, возможно, даже влюбить в себя парочку, а вы в этом явно не заинтересованы.

Удивление на его лице сменилось неким выражением, больше всего напоминавшим удовлетворение.

— О, не беспокойтесь, — учтиво откликнулся мистер Форбиден. — Если я и буду танцевать этим вечером, то лишь с одной дамой. Её, полагаю, мне можно не опасаться. — Уголок его тонких губ растянула усмешка. — До вечера, мисс Лочестер.

Хлестнул коня — и, сорвавшись с места, помчался по дороге, уводящей прочь от Хэйла.

Я смотрела ему вслед, пока он не исчез на горизонте. Потом, в последний раз взглянув на могилу Элиота, направилась к выходу с кладбища.

Всё любопытнее и любопытнее. Тайны множатся, в отличие от разгадок оных. И я слишком заинтересовалась ими, чтобы отступить.

Я разгадаю твои секреты, «корсар». Я узнаю, что ты скрываешь. Рано или поздно, так или иначе. Пусть это опасный путь — я не отступаю.

А пока нас ждёт ещё одна скорая встреча... и, если я правильно понимаю твой характер, этот бал определённо обещает быть интереснее предыдущих.

Глава восьмая,

*в которой мистер Форбиден проявляет
неожиданные таланты*

— **О**, Ребекка, я так рада за тебя! — восторженно щебетала Эмили Лестер, сестра Джона. — Ты и Том!..

Я кивнула, стараясь удержать на лице маску счастливой невесты, искренне благодарной окружающим за поздравления.

Бал, к моему удовольствию, медленно приближался к концу. Свечи, ярко озарявшие просторный зал, играли отблесками на лепнине бежевых стен. Цветы в вазах, приправлявшие окружающую духоту раздражающей сладостью, трепетали на сквозняке, веявшем из открытого окна. Контрдансы, кадрили, польки и мазурки сменяли друг друга, пары сходились и расходились, сплетая переходами дурманящую танцевальную паутину. Лёгкие шали струйками пёстрого тумана летели за своими хозяйками, кружившимися в изысканных па под звуки флейты и скрипок; от разноцветья фраков и блеска платьев рябило в глазах, узкие рукава жали, корсет, затянутый ту же обычного, мешал дышать.

Я танцевала лишь два первых танца — с Томом, — после чего с облегчением позволила ему проводить меня до стула, на котором я и намеревалась прове-

сти остаток бала. Слава богам, Том прекрасно помнил о моём равнодушии к танцам, а потому не докучал мне приглашениями, к пушней радости других дам: мой жених был прекрасным партнёром. Остальные мужчины, как всегда, не рвались меня ангажировать, и я могла бы надеяться на относительный покой, если б матушка не поспешила по секрету поведать всем о счастливом событии, приключившемся с её дурнушкой-наследницей. Теперь время от времени мне приходилось принимать поздравления, из которых искренними были совсем немногие.

Сейчас я старательно улыбалась подругам Бланш, которых сестра подвела ко мне. И если Эмили, кажется, действительно радовалась за меня, то вот Элизабет Гринхауз — дочь других наших соседей, некогда тщетно пытавшаяся заинтересовать Тома своей скромной персоной, — явно скрывала за фальшивым восторгом не самые добрые чувства.

— Я всегда говорила, что они будут прекрасной парой, — заявила Бланш.

— Конечно, прекрасной. Лорд Томас — столь завидный жених, что своими достоинствами способен скрасить недостатки любой невесты, — промурлыкала Элизабет. — Поздравляю, Бекки.

Её взгляд истекал завистью, точно кислотой.

Я ненавидела это. Ядовитые уколы, жалившие тонким лезвием, облитым мёдом учтивости и прикрытым кружевами приличий. Ненавидела и презирала. Бланш никогда не замечала подобного — по глупости, наивности и доброте, — но я замечала; и я была слишком злым человеком, чтобы игнорировать или прощать подобное. Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем сбросить свою маску и прямо сказать этой маленькой гадюке всё, что я о ней думаю, однако я не могла этого

сделать. Мне не страшно было бы подставить под удар себя — но не репутацию семьи.

Мне претила необходимость унижаться до того, чтобы использовать то же подлое оружие, которым били меня мои оппоненты. Однако все мы жили в мире, навязывающем нам свои правила, и этот мир не прощал ошибок.

— Благодарю, дорогая Лиззи, — чопорно ответила я. — Искренне желаю тебе в скором времени испытать то же счастье, что выпало мне. Благо тебе будет куда проще подыскать достойную пару... ведь твои достоинства настолько ослепительны, что тебе прекрасно подойдёт человек, который своей невзрачностью будет оттенять их, но не затмевать твоё сияние.

Элизабет, не стирая с губ дежурной улыбки, сузила глаза, но Бланш искренне и звонко рассмеялась:

— О, Бекки, не переживай! Я уверена, нашей очаровательной Лиззи недолго осталось быть незамужней! Она и правда слишком хороша для этого. — Сестра надула губки. — Но ты опять совсем не танцуешь! Бекки, это последний раз, когда мы празднуем мой день рождения под этой крышей, так сделай мне подарок!

— Бланш, ты прекрасно знаешь, что я весьма посредственная...

— Ерунда! Ты прекрасно танцуешь!

— Не думаю, что созерцание моего танца доставит тебе такое уж удовольствие.

— Но я хочу видеть тебя весёлой! Хочу, чтобы у тебя кружилась голова, хочу, чтобы ты улыбалась и смеялась, а не сидела здесь бучкой! — Сестра порывисто взяла меня за руки: — Бекки, ну пожалуйста!

— Бланш...

— Дамы! — Том, подоспевший к месту разговора с двумя товарищами, заставил девушек дружно повернуться к ним. Мой жених одарил меня понимающей

улыбкой; глубокий изумрудный цвет его фрака изумительно оттенял зелень глаз. — Понимаю ваше желание поговорить с подругой, но бал предназначен для танцев. Наговориться успеем за ужином. — Он галантно поклонился Элизабет: — Мисс Гринхауз, не подарите ли мне следующий танец?

Та, мигом забыв обо мне, благосклонно протянула ему руку, приятели Тома ангажировали Бланш и Эмили — и, напоследок кинув на меня взгляд, полный заговорщической хитрецы, Том увёл надоедливых собеседниц прочь.

Я надеялась, что он различил благодарность, которой был исполнен мой ответный взгляд.

Нет, всё-таки из всех мужчин, что я знала, Том был для меня самой подходящей парой. Действительно, что ещё мне нужно? Он прекрасно понимает и угадывает мои желания, он учтив, нежен и внимателен (тот единственный срыв — не в счёт). Он — жених, о котором большинство юных леди могут только мечтать, и будет таким мужем, который заставит многих завидовать мне. И лорд Чейнз прав: вероятность встретить кого-то, кого я искренне и страстно полюблю и с кем мне не помешают обручиться сословные рамки или другие препятствия, ничтожно мала.

Я скользнула взглядом по пёстрой бальной толпе, со странной досадой осознавая, что ишу один неизменно чёрный силуэт.

Из всех мужчин, что я знала...

— Вы не чувствуете себя чудовищем, случайно зажившимся на бал простых смертных, мисс Лочестер?

Голос того, кого я искала, раздался над самым моим ухом, но я не вздрогнула и не обернулась.

— Вы скрываете свой истинный лик под маской, однако стоит вашей маске упасть, и все с криком ужаса